

Фантастический роман

На 127-й странице

Павел Крапчилов

Часть

1

На 127-й странице. Фантастический авантюрный роман

Павел Крапчи́тов

На 127-й странице. Часть 1

«Автор»

2020

Крапчиков П. А.

На 127-й странице. Часть 1 / П. А. Крапчиков — «Автор»,
2020 — (На 127-й странице. Фантастический авантюрный роман)

«На 127-й странице». Часть 1. Что, если параллельные миры — это страницы одной книги? Попаданец в теле английского лорда, удар бутылкой по голове, потеря памяти и внезапная работа — телохранителем журналистки, отправляющейся в кругосветное путешествие. Вокруг — Сан-Франциско конца XIX века, индейцы в европейских костюмах, пароходы, которые «не могут утонуть», и женщина, которую заказали убить но не того, кого надо. Ирония, экшен, исторический колорит и неожиданные повороты. Узнайте, что скрывает шрам на голове и почему нельзя доверять даже тем, кто делит с вами постель.

© Крапчиков П. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Старая индейка	6
Глава 2. В городе незнакомцев	9
Глава 3. Мансарда фрау Бергман	14
Глава 4. Бюст Эвелин	17
Глава 5. Метрополитен	21
Глава 6. Ночной гость	28
Глава 7. Два джентльмена	32
Глава 8. Наследие Деклера	35
Глава 9. Лорд и портной	41
Глава 10. Безбилетник	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Павел Крапчитов

На 127-й странице. Часть 1

От автора: По моему фантастическому предположению параллельные миры отличаются друг от друга, как страницы книги. Чем дальше расположены друг от друга страницы, тем меньше общего в их содержании.

Роман «На 127-й странице» — художественное произведение. Все герои и события выдуманы, а возможные совпадения случайны и не намерены.

Глава 1. Старая индейка

Бар «Старая индейка» начал свою жизнь далеко не в центре города. Но город рос от океана дальше в глубь побережья, и, как наступающая армия, охватывал старый бар со всех сторон. Вокруг него пролагались улицы, строились дома. У бара менялись владельцы. Теперешний хозяин, купив бар, взял и перенес его на первый этаж нового каменного здания, которым также владел. Перенес в основном элементы интерьера: тяжелую, потемневшую от времени барную стойку из дерева неизвестной породы, элементы обшивки стен, да старинную вывеску с изображением той самой старой индейки, которая, несмотря на приставку «старая», выглядела еще хоть куда. Сам же сарайчик, в котором раньше располагался бар, разобрал на дрова, а землю, что была под баром, снова продал, да еще и заработал на этом.

По улице, на которой стоял бар, проложили рельсы и запустили конку. Но время двигалось так быстро, что не прошло и несколько лет, как конку сменил трамвай, который теперь двигали не лошадки, а непонятно откуда появившееся таинственное электричество.

Эд, многолетний хозяин стойки бара «Старая индейка», хоть и не понимал, за счет чего движется трамвай, но замену конки одобрял. Уж больно трудно было тащить лошадкам вагончик по холмам Сан-Франциско. Прошедшее время поменяло и посетителей бара. Теперь это были не простые работяги с рынка или каменоломен, а опрятные работники близлежащих магазинов, шумливые журналисты и вполне солидные банковские клерки.

Вошедшего в бар мужчину Эд уже знал. Но даже если бы и не знал, он бы не принял его за работника магазина, журналиста или даже за банковского служащего. Этот мужчина был немолод и бородач. Выше среднего, широкоплечий. На нем был темно-серый, изрядно помятый костюм, а воротничок явно напрашивался на отправку в прачечную. В этом окружении совершенно неуместно выглядела заколка с явно драгоценным темным камнем, сверху вниз прокалывающая галстук.

Мужчина забрался на стул у стойки и кивнул бармену:

— Налей мне на два пальца, Эд.

Потом заметил порвавшийся шнурок на крепких, но далеко не новых ботинках. С кряхтением слез со стула и как-то завязал концы шнурка, сильно его укротив.

Когда он снова оказался на стуле, перед ним был небольшой стакан с янтарной жидкостью.

— Ваша «Индейка», сэр. И... — бармен замолк, дожидаясь, пока бородачтый мужчина выпьет свою порцию виски. — И хозяин просил передать, что это последняя выпивка в кредит. Бородачтый мужчина не спеша вытер несвежим платком усы и бороду.

— У тебя хороший хозяин, — сказал он и собрался уходить.

Ни мужчина, ни бармен, занятые разговором, не заметили, как сзади к мужчине подошел другой посетитель бара и с размаху опустил полупустую бутылку на голову бородача.

— Ты что творишь, ублюдок?! — закричал бармен.

Это последнее, что слышал бородачтый мужчина перед тем, как погрузиться в темноту.

Кто-то мотал перед моим лицом ярким фонарем. Вправо-влево, вправо-влево. Голова раскалывалась от боли. Во рту была какая-то кислятина, какая бывает, когда вас только что стошнило. А еще этот фонарь, из-за которого боль и тошнота накатывали высокими волнами. «Этот долбаный фонащик, наверное, хочет до меня докричаться, типа „Эй, вы там! Есть кто живой?“».

Я попробовал стереть с губ остатки рвоты. Рука была вялой и непослушной, а на лице обнаружили усы и густая борода.

— О, ожил! — кто-то радостно воскликнул. — Сиди тихо, Британец. Я уже заканчиваю.

Поскольку про глаза ничего не сказали, я решил их приоткрыть. Оказалось, то, что я принял за фонарь, были двери бара. Посетители заходили и выходили из бара, двери болтались вперед и назад, солнечные блики в стеклах дверей метались по всему помещению и попадали мне в глаза.

— Да, Британец, вот где твое слабое место! — кто-то, стоящий за моей спиной, продолжал разговаривать со мной, упорно называя меня «британцем». — Большому Бизону надо было бить тебя по затылку, а он все в нос, да в нос. Так ты и перебежал его тогда по раундам.

— Ты кто? — хрипло спросил я. — Надеюсь, не Харон?

— О, уже шутишь. Значит, выкарабкаешься, как всегда. — Говорящий выплыл из-за моей спины. На Харона он явно не походил. Небольшого роста, круглое бритое лицо, очёчки...

С его появлением передо мной окружающая картинка стала проявляться, и я увидел, что сижу за столом, а псевдо-Харон собирает какой-то свой инструмент в саквояж, стоящий на столе.

— Ну, что, вспомнил? — спросил псевдо-Харон и, не дожидаясь моего ответа, добавил: — Я — Док, Стив Уолш. Я латал вас после боев в шестьдесят пятом. Нос, уши, брови, то да сё...

— Док?

— Ну вот, вспомнил! В общем, у меня для тебя есть две новости. Плохая: бутылка, которой тебя шмякнули, разбилась и пропорола кожу до самой кости. Почти как твои друзья индейцы, когда снимают скальп.

Его слова про скальп почему-то вызвали у меня внутри волну недовольства и злости. Наверное, всё это отразилось на моем лице.

— Молчу, молчу. — Он постарался быстро сменить тему. — А хорошая новость в том, что в бутылке было полно какого-то крепкого пойла, которое отлично промыло разрез. Я его заштопал и думаю, что ты выберешься.

— И всё?

— А что еще? Ну, можешь зайти в аптеку к Фрицу. Он натолок мела, обозвал его каким-то заумным словом и хочет впаривать нам, честным докторам, по два бакса за пузырек. Нашел дураков! Кстати, про баксы. С тебя три бакса, Британец.

И снова эта волна поверх головной боли и тошноты. В этот раз — недоверие, злость. Много просит?

— Один, Док. На промывку ты не потратился. Только на нитки.

На удивленное и одновременно обиженное круглое лицо псевдо-Харона было приятно смотреть.

— Британец, с каких пор ты стал торговаться? Ты же почти британский лорд, твою мать, а не какой-нибудь ливанский еврей.

— Ты плохо знаешь британских лордов, — сказал я. — Торговля — это наш национальный спорт.

Кураж от торговли немного добавил мне здоровья. Я еще немного поторговался с Доком, и он ушел, унеся в «клюве» две мятые долларовые бумажки, которые нашлись у меня в кармане брюк.

Док ушел, а двери-фонари снова всколыхнули головную боль и тошноту. Эти ощущения полностью поглощали меня и мешали думать. Я знал, что мне надо что-то вспомнить, что-то очень важное. Но как только я мыслями подбирался к этому чему-то важному, волны боли и тошноты отбрасывали меня назад.

— Сэр, вы сами сможете дойти до дому?

Передо мной стоял пожилой мужчина с мощными, густыми усами. Жилетка и полотенце на руке выдавали в нем работника данного питейного заведения.

— Да, смогу.

В моем ответе было всё неправильно, но что именно — снова заслонила подкатившая к горлу дурнота. Думать совершенно не хотелось.

— Это от заведения, сэр. — Бармен (скорее всего, это был именно бармен) протянул мне бутылку, упрятанную в бумажный пакет. — Ублюдок оказался шустрым. Мы не смогли его поймать.

Я встал и, пошатываясь, вышел из бара. Свежий ветер на мгновение отогнал дурноту, но этого хватило, чтобы наконец я понял, что не знаю, где теперь мой дом. Что не знаю, откуда взялись эти допотопные трамвай и повозки, вся эта массовка из старомодно одетых мужчин и женщин. Меня стала охватывать паника. Совладать с собой мне помогли, как ни странно, мои уже почти старые друзья — головная боль и тошнота, а земля закачалась подо мной.

«Ладно, — подумал я. — С этой массовой разберемся потом. А сейчас надо понять, что делать с раной на голове».

Я вспомнил, как Док вытирал руки от крови какой-то грязной тряпкой.

«Этот псевдо-Харон вполне мог ковыряться в ране немьтыми руками. Надо дойти до аптеки, как его там... Фрица, и посмотреть, что за порошок он предлагает».

Глава 2. В городе незнакомцев

Проехал трамвай. Затем пара конных повозок. Одна была запряжена красивой, серой в яблоках лошадкой, а управлял ею мужчина в котелке. Это у них, типа, «легковая». Навстречу ей гораздо медленнее прошла закрытая со всех сторон повозка. Явно тяжело груженная. Какие-то чемоданы стояли даже у ног возничего, а саму повозку тянула пара крупных лошадей.

— Вам нужна помощь, мистер? — Это ко мне обратился полицейский. Он уже успел отпустить девчонку, которой минуту назад что-то внушал. Дорогу, что ли, не там перешла? Вряд ли. Вон парень чешет напрямую через трамвайные пути.

— Нет, спасибо. Не нужна. — Это уже я. Подальше от полиции. Подальше. Вдруг спросит регистрацию. — Хотя... подскажите, где мне найти аптеку Фрица?

— Вон там, на углу. — Он указал своей дубинкой вдоль трамвайных путей, вглубь домов. — И... у него хорошие примочки.

Рогаткой пальцев он коснулся своих глаз, а потом указал ими в мою сторону. И пошел дальше куда-то по своим полицейским делам.

Ну да. Сейчас у меня под глазами наливаются два огромных синяка. Такая вот физиология: бьют по затылку, а синяки под глазами.

Ну что? Двинули? А вы можете начинать смеяться. Это ведь шоу. Не ниже первого канала. Больно декорации крутые. Обхохочетесь. А мне всё равно. Мне на вас... рать. Но вот дочь с внуком наверняка тоже смотрят. Внук вряд ли что понимает, маленький еще, а вот дочь переживать будет. Так что ведем себя достойно. Как же болтает! Ну ничего. Голодный волк в обморок не падает. Это голодный волк. А как насчет волка с сотрясением мозга? Будем считать, что и с сотрясением мозга волк тоже в обморок не падает. А я волк? Да, я — волк, еще какой волк!

Так я и двигался, подбадривая себя. Прошел булочную, еще пару каких-то лавок. Почти прошел парикмахерскую с гордым именем «Барбершоп „У Джорджа“», где скучал пожилой мастер, но вернулся назад. В окне парикмахерской отражался крепкий мужчина выше среднего, и я подумал, что впервые вижу себя. Смешно? Можете опять хохотать. У меня были длинные, до плеч, черные курчавые волосы, густая борода и усы. Волосы блестели и, скорее всего, из-за того, что были жирными, а значит, грязными. С этим надо было что-то делать. И я шагнул в барбершоп.

— Привет, Джордж, — сходу заявил я.

Старичок отложил газету, которую читал.

— Чем могу помочь, мистер?

— Постричься и побриться, — сказал я и снял котелок.

— О! — только и смог сказать старичок.

Кровь успела пропитать волосы вокруг раны и засохнуть. Всё это, наверное, выглядело неважно.

— А вы точно уверены, что вам надо ко мне, а не в больницу?

— Я там уже был, мастер, — решил я немного подлизаться. — Они меня заштопали, но, когда я попросил их постричь меня, они сказали, что мне надо к вам.

— Ну что же, садитесь, но вам, с учетом всего этого, — он помотал руками над своей головой, — будет стоять подороже.

— Всё состричь и всё сбрить. Это сколько?

Старичок пошамкал губами:

— Доллар.

— Стригите, — согласился я и уселся в единственное кресло в этом барбершопе. — Получите полтора, если мне всё понравится.

Старичок крутился вокруг меня, шелкая своими ножницами, а меня снова словно окутал какой-то туман.

— Ну вот, готово!

Я выплыл из тумана и взглянул в зеркало. Было бы смешно, не будь так грустно. Старичок добросовестно сбрил мне бороду и усы, а на голове сделал мне ирокез. Волосы на самой ране он верно побоялся трогать, но вот вокруг всё, как я и просил его, было срито. Ладно, надену котелок, и никто не увидит.

Я протянул ему бутылку, врученную мне барменом.

— Полейте на болячку, мастер... и сами можете глотнуть.

Старичок не отказался ни от первого, ни от второго.

Вручив Джорджу мятый доллар и монетку в пятьдесят центов, я покинул барбершоп.

Безбородое и безусое лицо приятно охлаждал ветерок.

«И обожгли мне щеки холодной острой бритвой восходящие потоки», — почему-то пришло в голову.

Помещение аптеки Фрица было не больше барбершопа Джорджа, но гораздо опрятней. В комнате была еще одна дверь, которая, наверное, вела в лабораторию, где взглядам посторонних не место. А лестница слева вела куда-то наверх. Скорее всего, там было жилище самого Фрица.

Одет аптекарь был безукоризненно. Жилетка, брюки в коричневых тонах, белоснежная рубашка. Лысину Фрица обрамляли седые, коротко подстриженные волосы. Недостаток растительности на голове компенсировала седая борода, как у голландских моряков, то есть без усов.

Аптекарь стоял ко мне спиной и что-то переставлял в многочисленных шкафчиках со стеклянными дверцами, занимавшими всю заднюю стену комнаты.

— Добрый день, Фриц, — начал бодро я, но попытка оказалась неудачной.

— Герр Циммерман, с вашего позволения. — Аптекарь повернулся. Из-за очков на меня смотрели строгие глаза.

— Но... — я указал на надпись на стеклянной витрине, на которой было написано «Fritz's drugstore».

Аптекарь только поморщился.

— Что вам угодно, молодой человек?

— Я хотел бы услышать рассказ о вашем порошке из толченого мела.

Эта попытка разговорить Фрица была еще менее удачной. Аптекарь побелел, потом покраснел, а его голос сорвался в фальцет.

— Вон!

Вместо того чтобы последовать совету разъяренного аптекаря, я тяжело опустился на стул, стоящий у прилавка, и приложился к бутылке, которую всё так и таскал.

— Здесь нельзя пить! Я вызову полицию!

— Вызывайте! А я скажу, что это вы мне продали, — устало сказал я и снял котелок.

— О!

Не знаю, что произвело на Фрица большее впечатление: моя прическа ирокез или рана, грубо заштопанная Доком.

— Так вам нужен сульфаниламид? — смягчился аптекарь. Любому ученому нравится, когда его изобретение востребовано.

— И да и нет, герр Циммерман, — наконец я смог перейти к делу. — Я хочу спасти ваше изобретение, которое некоторые врачи, сами знаете, как именуют.

Второй раз упоминать толченый мел я не рискнул.

— Неучи. Я предоставил им все доказательства. А они... Но чем вы можете мне помочь?

— У меня есть план, но я хотел бы, чтобы сначала вы мне рассказали о своем изобретении.

Фриц замялся, явно не зная, с чего начать. Я решил помочь ему.

— Вы исследовали анилиновые красители?

Откуда я это знаю? У нас в школе была хорошая химичка. Именно она рассказала нам, что зеленка была изначально не средством заживления наших ссадин, а красителем. И что синьку, которую моя мама немного добавляла при кипячении белого белья, применяли для лечения малярии.

— Да, верно! Вы тоже химик? — обрадовался Фриц.

— В некотором роде, — я не стал развивать эту тему.

Самостоятельно я мог провести только два химических опыта. Капал глицерин в марганцовку — это раз. И в завинчивающийся пузырек из-под чернил с карбидом заливал воду — это два. В первом опыте всё классно горело, во втором — взрывалось.

— Итак, какой краситель вы использовали?

— Протозил. Им окрашивают ткани в красный цвет. Но я пошел дальше. Я выделил из него сульфаниламид. Он отлично убивает стрептококки и многие другие микробы. С его помощью можно быстро вылечить бронхит, пневмонию, ангину, скарлатину и даже, я думаю, гонорею...

— Но вам никто не верит, — прервал я его. Моя рана начала дергать, а меня самого — немного знобить.

Я же поверил Фрицу. Он, скорее всего, создал препарат, который потом назовут стрептоцидом. Мне нужен был этот порошок. С его помощью я быстрее оклемаюсь, но я хотел еще заработать немного денег, так как мои карманы были почти пусты.

— Именно так. Но вокруг меня одни неучи, — обреченно сказал аптекарь и тут же спохватился: — Я, конечно же, не имею в виду вас. А что с вами произошло? Отчего такая ужасная рана?

— Я упал с лестницы.

— О!

Мы немного помолчали, а потом я решил взять быка за рога.

— Герр Циммерман, вы же не хотите спустить свое изобретение в унитаз?

— Куда?

— В ватер-клозет.

— А, понял. Конечно же, нет.

— Тогда вот мой план. Вы залечиваете мою рану. Мы рассказываем всем о результате.

Все бросаются покупать ваш порошок.

— Не получится. Я уже вылечил серьезную инфекцию у моего сына, но никто не поверил.

— Потому что это ваш сын. Они могли подумать, что вы сговорились.

— А вам поверят?

— Да, я стороннее лицо, и к тому же я английский лорд.

— Вы — английский лорд? А как вас зовут?

Вот незадача: я не знаю, как меня зовут. Чтобы потянуть время, я снова приложился к бутылке.

— Спросите у Стива Уолша, — я сделал еще глоток. — Да, спросите у кого угодно!

Виски помогло. Как тогда в баре, меня накрыла волна, только теперь это было не недоверие или злость, а тепло и грусть. Энтони де Клер. Я вдруг понял, что меня зовут Энтони де Клер.

— Меня зовут лорд Энтони де Клер, — заявил я, чувствуя себя последним мошенником. Фриц как-то странно посмотрел на меня.

— Вы знаете, мистер Деклер, я вам верю. Это местные аборигены совсем отторгли такие понятия, как честь и достоинство. Но мы, жители Старого света, еще помним их. К тому же я вижу, что вам плохо, а в такие моменты легко увидеть, лжет человек или говорит правду.

— Я рад, что вы мне поверили. — Это была моя маленькая победа. И главное, ведь я почти ни в чем не погрешил против истины.

— Но что мне надо делать?

— Во-первых, больше нет никакого сульфаниламида. Есть стрептоцид!

— Что?! Убийца стрептококков. Боже мой, почему я сам не догадался!

— Понравилось?

— Да, очень!

— Тогда самое время оговорить финансовые вопросы. Я хочу за свою помощь 100 долларов.

— Но это много!

— Ваше изобретение не стоит 100 долларов?

— Конечно, стоит!

— Ничего оно не стоит, так как его никто не покупает. Но будет стоить миллионы после того, как выполнится мой план.

— Миллионы? Вы думаете?

— Уверен. Предложите излечение писающему человеку, который болен гонореей, и он отдаст вам миллион, если он, конечно, у него есть. Тем более 100 долларов вы отдадите мне не сразу. Сегодня — 20 долларов, всё остальное — в течение месяца с начала продаж.

— И вы не боитесь, что я вас обману?

И снова волна. Теперь — уверенность и... смерть, если я правильно понял нахлынувшие эмоции.

— Я мог бы сказать, что это местные аборигены совсем отторгли такие понятия, как честь и достоинство. Но мы, жители Старого света, еще помним их. Но я так не скажу.

— Почему?

— Потому что клятвопреступников убивают.

Фриц ошарашенно уставился на меня.

— Но я уверен, что до этого не дойдет.

— Согласен. Что я должен делать? — Было видно, что Фриц решил и готов сражаться за свое детище.

Вместо ответа я протянул руку.

Фриц засуетился, достал портмоне, а из портмоне достал две десятки, которые вскоре оказались в моем кармане.

— Теперь идите за фотографом.

Я поднял руку, чтобы остановить вопросы Фрица.

— Он сделает фотографии моей раны сейчас, потом через день после использования стрептоцида, потом еще через день... В общем, пока рана не заживет. Из этих фото вы делаете выставку в вашей прекрасной аптеке. Запасаетесь несколькими бутылками виски и приглашаете на выставку докторов вашего прекрасного города.

— Стива Уолша я не приглашу!

— Правильно! И цена на стрептоцид для него будет повышенная.

Фриц посмотрел на меня почти с обожанием.

— Тогда я пошел за фотографом. А вы...?

— Я подожду вас здесь.

Фриц что-то хотел сказать, потом передумал, накинул на себя коричневый пиджак и отправился за фотографом.

Я глотнул из бутылки и под звуки поворачивающегося в замочной скважине ключа задремал.

Глава 3. Мансарда фрау Бергман

Маленькая мансардная комната была по-своему уютна и функциональна. Умывальник типа «мойдодыр» — слева от входной двери, у стены напротив — железная кровать, стол со стулом. Мансардное окно, как часть крыши, было удобно тем, что через него проникало достаточно лунного света, чтобы можно было передвигаться по комнате, не рискуя удариться головой о низкий потолок или перевернуть «ночную вазу».

Я лежал вверх запроваленной кровати. Разобрать ее у меня уже не было сил. Пришел, снял брюки, под которыми обнаружил серые кальсоны с завязками, положил на подушку полотенце, с облегчением вытянулся на кровати и провалился в сон.

По ощущениям я проспал несколько часов, а проснулся от холода. Вспомнил о пальто, которое видел висящим на крючке на двери. Пришлось вставать. Полотенце на подушке оказалось мокрым — то ли от гноя, то ли от сукровицы, вытекающей из моей болячки на голове. В темноте не разобрать. Взял носовой платок. Обильно смочил его виски и, упершись одной рукой в раковину «мойдодыра», другой рукой стал осторожно очищать платком рану на голове. Потом достал пузырек со стрептоцидом, который мне вручил Фриц, и стал, не торопясь, по щепотке посыпать его на очищенную рану. Посидел немного на стуле. Подивился полной тишине на улице, от которой давно отвык. Убрал мокрое полотенце с подушки и снова вытянулся на кровати, накрывшись оказавшимся тяжелым пальто. Но в этот раз сон не шел.

Как всё прошло у Фрица, я помнил смутно. Фотограф, притащивший с собой здоровенную деревянную коробку-фотоаппарат и треногу, фотографировал. Я ему что-то советовал, а Фриц на это только усмехался. Потом всё как-то резко закончилось, и я обнаружил себя стоящим снова на улице рядом с аптекой Фрица.

И снова надо было думать, куда идти. Где могла быть «берлога» Энтони де Клера? Он же вышел выпить. Вряд ли он пошел бы за этой надобностью куда-то далеко.

— Эй, — окликнул я мальчишку, который катил мимо меня ржавый обруч от большой бочки. Чтобы обруч не падал, мальчишка время от времени подбивал его палкой.

От моего окрика мальчишка остановился, а обруч упал.

— Что желаете, мистер? — Как настоящий американец, он сразу перешел к делу.

— Ты меня знаешь, парень?

— Конечно, мистер. Вы тот англичанин, который уже два дня живет у фрау Бергман.

— Вот и отлично. Я что-то устал, парень. Доведи меня до дому. Получишь никель.

Мальчишка как-то странно посмотрел на меня, но потом нагло заявил:

— Маловато, мистер. Надо бы добавить.

— Как хочешь, — я сделал вид, что оглядываюсь по сторонам в поисках другого кандидата в кормчие.

— Всегда готов, мистер! — Мальчишка подлетел ко мне, взял за руку и отвел к крыльцу стоящего напротив дома.

«Упс», — подумал я.

Мальчишка уже стоял с протянутой рукой, в которую я положил пять центов. Поскольку это резко подняло степень доверия между нами, то я уже, не стесняясь, спросил его:

— И где здесь я живу?

Взгляд мальчишки ясно говорил, что он думает о моих умственных способностях. Но еще пять центов сделали свое дело.

— Фрау Бергман сдает комнату в мансарде, мистер. Она специально там ее оборудовала. Всего хорошего.

Мальчишка убежал, не забыв прихватить свое колесо.

Из кармана пальто, которым я укрылся, что-то выскользнуло и гулко ударилось об пол. Кровать была невысокой, и я опустил руку и стал шарить по полу, собираясь найти там, как минимум, кошелек с золотыми. Но рука сначала наткнулась на что-то пушистое, а потом я почувствовал холодный металл.

Я поднес находку поближе к глазам. Это был нож с прямым толстым лезвием, мощной рукояткой, которая заканчивалась пушистым хвостом какого-то зверька типа белки. Спрятав руки вместе с ножом под пальто, я снова уставился в темноту и задал вопрос, как будто было кому:

— Это ведь не шоу? Это ведь навсегда?

Дикая волна отчаянья и безнадеги накатила на меня, и я удержался от слез только благодаря тому, что снова провалился в сон.

(За несколько месяцев до ранее рассказанных событий)

В усадьбе Элтонфорд было три здания. Не считать же зданием усадьбы уютный, но небольшой коттедж, в котором жила семья управляющего. Из этих трех зданий только одно можно было считать обитаемым. И то — с большой натяжкой. Обитателем этого здания — старой усадьбы Диспенсеров — был старик, который отринул от себя настоящее, а если бы кому-то в голову пришло прийти к нему, чтобы поговорить о будущем, то он сначала бы рассмеялся, а потом бы сильно разозлился.

Старика звали лорд Хью Диспенсер, и сейчас он шел от усыпальницы своей жены Эвелин по тропинке к этому старому зданию. Путь к усыпальнице и обратно лорд Диспенсер совершал каждое утро. Дорога давалась тяжело. Больные колени и скрюченная спина делали его походку по влажным от утренней росы камням неуверенной и шаткой. И крепкая трость, на которую он упирался, мало в чем могла ему помочь. Но лорд, казалось бы, не замечал этих трудностей. В его голове, как отблески далекой грозы, мелькали видения. Каждый раз и только на этой тропинке.

«Почему они приходят только, когда я возвращаюсь от Эвелин?» — думал Диспенсер. — «Почему только этот бал в загородном доме герцога Портлендского?» Ведь после этого была их красивая свадьба, несколько лет счастливой семейной жизни? Масса других вопросов привычно появлялись в мозгу старика, но он их тут же забывал, так как бывал поглощен встававшими перед ним и почти тут же исчезающими картинками. Много было на этих картинках, но лорд ловил своим внутренним взглядом только одно — юную Эвелин, стоящую на краю зала, танцующую Эвелин, улыбающуюся Эвелин... его Эвелин.

Диспенсер старался удержать похищенную у него смертью любимую женщину. И даже заказал ее бюст известному скульптору.

Что тот и сделал. Холодный, белый мрамор точно копировал молодую Эвелин, уже ставшую миледи Диспенсер. Но жизни в ней не было. Может быть, из-за глаз? Глаза у бюста, как и у всех других скульптур, были белые и без зрачков. Словно Эвелин ослепла и закрыла глаза, чтобы никто не видел ее ничего не видящих глаз. Тогда Диспенсер и допустил ошибку. Он поручил скульптору сделать у бюста настоящие глаза. Как на картинах. Все его предки гордо взирали с полотен на стенах Элтонфорда обычными зрячими глазами. Скульптор вернулся через несколько дней, установил на стол перед Диспенсером бюст и, не торопясь, убрал с него красную толстую ткань.

На крик лорда сбежались все находящиеся в доме слуги и, ничего не понимая, уставились на своего лорда, который с перекошенным лицом, хватая открытым ртом воздух, пытался что-то сказать, и на бледного, как тот же мрамор, скульптора. Гэрانت, управляющий, первым подбежал к хозяину, взял его под руки и усадил в кресло. А затем взглянул на то, от чего не мог оторвать взгляд сам лорд. У бюста появились глаза, и вроде бы были даже похожи, но на белом мраморе они смотрелись хоть и красиво, но ужасно. Они словно выныривали откуда-

то из далека. Гарант вдруг понял, из какого далека смотрят на него эти глаза, и тут же перекрестился.

— Пусть уберет, пусть уберет... — только и смог вымолвить лорд и лишился чувств.

Глава 4. Бюст Эвелин

Скульптор убрал нарисованные глаза. Бюст занял свое место на небольшом фортепьяно и смотрел на мир обычными для скульптур гладкими белками глаз. Но с того дня здоровье лорда стало ухудшаться. То одно, то другое. Постепенно его круг общения сузился до Гэранта. Жил лорд в старой усадьбе, а наружу выходил только по утрам, чтобы дойти до усыпальницы Эвелин и вернуться обратно.

Сейчас Гэрант вернулся из Лондона и ждал лорда у дверей здания старой усадьбы. Он молча открыл перед хозяином дверь, зашел вслед за ним и замер в ожидании, когда лорд захочет с ним говорить.

В то время как голова Диспенсера была занята одним, его тело жило своей жизнью. Диспенсер сам не заметил, как расположился в кресле у разожженного слугами камина и вытянул к огню ноги.

Светлая гостиная с хорошо подобранной мебелью в бежевых тонах никак не соответствовала ни одеянию, ни настроению старого лорда. Просто всё осталось так, как 30 лет назад задумала и воплотила Эвелин.

«Когда же Эвелин первый раз посетила Элтонфорд? Кажется, там была целая толпа. Ее тетушки и племянники». Диспенсер опасался, что вид неухоженного старого замка не понравится Эвелин. Но получилось всё наоборот. Эвелин восторгалась и прудом, в который превратился ров вокруг усадьбы, и уцелевшими башнями, и тем более башнями разрушенными, и зарослями одичавших рододендронов, азалий и роз, которые густо разрослись вокруг.

А уж после того, как она стала полноправной хозяйкой замка, она развернулась на полную.

«Хью, ты не представляешь, как жутко приходится проводить дни английской леди!» — говорила она. — «Утром целый час на чтение газет и обсуждение с тетушкой политики, потом фортепьяно, рисование, затем запланированные за неделю визиты к соседям, снова чтение. И так до одиннадцати часов, после — молитва и сон. Так нельзя жить! Надо делать что-то полезное!»

Диспенсер во всем соглашался со своей молодой женой. Хотя в душе считал, что именно так и должны жить воспитанные девушки из аристократических семей.

Сначала Эвелин направила свои усилия и деньги Диспенсера на приведение в порядок старой усадьбы. Полуразрушенные башни разобрали окончательно, не обнаружив, к расстройству Эвелин, никаких спрятанных сокровищ. Затем пришел черед внутренних помещений, и вскоре комнаты Элтонфорда было не узнать.

А затем Эвелин убедила Диспенсера, что надо построить новую усадьбу. Доходы от сдачи земель в аренду вилланам были высокие, и Диспенсер согласился. Место было выбрано на холме рядом со старой усадьбой. Новое здание должно было снисходительно взирать сверху на «старичка», стоящего по колена в пруду.

Строить было решено из песчаника, карьер по добыче которого находился во владениях лорда. Работа, благодаря энергии Эвелин, закипела. Каждый день из каменоломен везли телеги с камнем. А однажды Эвелин остановила все работы и потащила Диспенсера прямо в каменоломни, в открытый карьер.

— Посмотри, это же отпечаток лапы дракона! — восклицала она.

Пласт старого песчаника, который отпиливали рабочие, рухнул, и на одной из отвалившихся плит был виден след, похожий на след от куриной лапы. Только курица с такой лапой должна была бы быть размером со слона.

— Ты мне про это не рассказывал, — не умолкала Эвелин. — Говори быстро, кто из твоих предков сражался с драконом?

Потом вечером они, наполовину серьезно, наполовину в шутку, попытались предположить, кто из предков Диспенсера лучше всего подходил на роль рыцаря, сражающегося с драконом.

Счастливая жизнь лорда Хью Диспенсера рухнула вместе с болезнью Эвелин. Слишком уж часто она выбегала из теплой старой усадьбы к строящемуся на холме зданию. А легкое платье, пусть и с накинутой на плечи теплой шалью, — слабая защита от осенних ветров. Сильный жар и кашель уложили Эвелин сначала в постель, а через неделю мучений — в могилу. Всё произошло так стремительно, что у Диспенсера случился апоплексический удар. Врач, еще не успевший уехать из усадьбы после смерти жены хозяина, получил шанс проявить свое мастерство. Он быстро вскрыл вену на руке лорда, и кровь отлила от головы убитого горем мужа.

Смерть отступила от лорда, удовлетворившись его женой. Диспенсер провел в постели почти месяц. Долгое время он ходил, подволакивая правую ногу. Слова выговаривать у него получалось с трудом, что, вкупе с постигшей трагедией, сделало его неразговорчивым. Строительство новой усадьбы приостановилось, а затем и вовсе прекратилось. Работники заколотили досками окна и двери и разъехались кто куда.

Слишком близко вытянутые к огню камина ноги стали беспокоить своего хозяина. Лорд с кряхтением подтянул их к себе и недовольно взглянул на Гэранта. Тот стоял у рабочего стола Диспенсера. В руках у него была пухлая кожаная папка.

«Стоит. Ждет. Почему бы им всем не оставить меня в покое?» — подумал Диспенсер.

Гэрانت вернулся из поездки в Лондон, где занимался финансовыми и прочими делами лорда. Посетил портовые склады и компании, совладельцами которых был лорд. Встретился с управляющим других акционеров, погасил векселя, выпустил новые и даже выполнил ряд поручений, связанных с родней лорда. Поездка была удачной во многом благодаря его стараниям. И Гэранту, как и любому другому человеку, хотелось услышать, если не похвалу, то хотя бы слова одобрения от своего хозяина.

«А ведь не уйдет», — вздохнул лорд. — Ну что там?

— Граф Аргайл называет вас финансовым гением, — сказал Гэрант.

— Это тебе сам граф сказал? — Лорд не любил, когда слуги обсуждали своих хозяев за их спиной. Даже если хвалили.

— Нет. Слова графа мне передал его управляющий. А вызваны они были ростом акций страховой компании, которые вы купили в прошлом году.

— Ты купил, Гэрант. Ты купил, — сказал лорд. Ему не нужно было чужой славой и чужих заслуг. В этом мире ему уже мало что было нужно.

— Без вашего одобрения и без вашего решения о размещении рентных доходов в акции я бы никогда этого не смог сделать, — честно признался Гэрант.

«Да, так и было», — подумал Диспенсер. — «Всё так и было».

После смерти Эвелин вся эта житейская суета — обеды, визиты, охота, рента, размещение активов — казалась ему дикостью. Жизнь неожиданно открылась перед ним совсем с другой стороны. Оказывается, самым ценным было не золото, не власть, а человеческие отношения, которые оказалось так легко разрушить, которые он так недостаточно ценил, когда они были, и которых ему стало очень сильно не хватать, когда они безвозвратно исчезли. Его всё стало раздражать. Как эти люди могли есть, пить вино, чувствовать его вкус, рассуждать о видах на урожай, когда Эвелин лежит там одна, в холодной мраморной гробнице? Никто не смог ей помочь в беде, но все хотят забыть ее поскорей.

Первым делом тогда Диспенсер выгнал из усадьбы всех своих родственников, которые приехали якобы утешать его. А на самом деле все они были расстроены тем, что апоплексический удар не достиг своей цели и Диспенсер выжил.

Больше всего он провозился со своей родной сестрой Кларой, которая никак не хотела уезжать и, чуть ли не завывая, утверждала, что не оставит его одного без сестринской заботы. Муж Клары, полковник королевской пехоты, слишком легкомысленно относился к приданому своей жены. Другими словами, он просто его потратил. К тому же он не нашел ничего более умного, чем словить шальную пулю в ходе очередного восстания в индийских колониях. Так что из Индии Клара вернулась без мужа, без денег, но с маленькой, писклявой дочкой, которую она зачем-то всё время подсовывала под нос Диспенсеру. Пришлось пообещать ей денежную помощь. Это сразу убедило Клару, что ее сестринская помощь брату не нужна, и она покинула усадьбу Элтонфорд, на которую на многие годы опустилась тишина.

В те дни, избавившись от родственников, Диспенсер еще более просто избавился от всех дел. Он поручил их Гэранту, сыну старого дворецкого. Сможет он управляться с полями и лесами Элтонфорда или нет, получится у него вести хозяйство и финансы или нет — лорда мало беспокоило. Он поручил, Гэрант согласился, и остальное было не важно. Последним вмешательством Диспенсера в этот мир стала рекомендация свободные деньги, поступающие в виде ренты за землю, вкладывать в торговлю. В молодости, поездив по старой доброй Англии, лорд убедился, что самую большую норму прибыли получают не вилланы, выращивающие зерно и овец, и даже не владельцы земли, на которой растет это зерно и пасутся овцы, а именно торговцы. Причем торговый бизнес, на взгляд лорда, был весьма безопасным. Упадут цены на зерно и мясо — вилланы разорятся, землевладельцы потеряют свои доходы, а торговец просто будет торговать другим товаром, получая при этом всё ту же высокую норму прибыли.

Гэрант творчески подошел к поручению лорда. Он, конечно, не стал открывать лавки и стоять за прилавком. Свободные денежные средства он из года в год вкладывал во всё, что было связано с торговлей. Так лорд стал совладельцем складов в портах Кардифа и Бристоля, акционером нескольких страховых и транспортных компаний. И, конечно, Гэрант не упустил возможности приобрести акции ряда банков. Ведь именно банки были квинтэссенцией торговли и, кредитуя торговцев, фактически наживались на каждой проданной иголке, на каждом проданном зернышке.

По прошествии всех этих лет Гэрант из молодого человека превратился во вполне солидного мужчину, который обзавелся семьей, а его уже вполне взрослые сыновья всю помогали отцу в работе. Доходы от финансовых вложений давно уже стали превышать рентные платежи графства. И когда несколько лет назад цены на зерно и мясо из-за этих проклятых бывших американских колоний резко упали, то это почти никак не отразилось на доходах Диспенсера. Вилланы разорялись, землевладельцы неожиданно для них потеряли поступления, к которым привыкли, и стали распродавать оказавшиеся ненужными земли. Кризис обошел стороной Элтонфорд. «Богач, финансовый гений», а иногда и даже «колдун» — так шептались о старом лорде его соседи-аристократы. Об этих шепотках Гэрант иногда рассказывал лорду. «Глупцы! Какие же они все глупцы!» — было единственной эмоцией лорда на слова завистливых соседей.

— Леди де Клер почти закончила сделку по продаже своих земель, — сообщил Гэрант.

Графство Херефордшир, которое принадлежало семейству де Клер, граничило с землями лорда Диспенсера. Гэрант думал, что Диспенсеру будет не всё равно, кто станет новыми хозяевами соседних с ними земель. Он ошибался. Лорду было всё равно, а его интерес к семейству де Клер был совсем другой.

— Благодарю, Гэрант. Ты хорошо выполняешь свою работу. — Так Диспенсер дал понять, что он хочет остаться один.

Гэрант склонил голову и вышел.

«Как же это было давно!» — подумал Диспенсер.

Много лет назад он и его Эвелин наносили визиты к своим соседям. Эвелин всё было интересно, а Диспенсер с удовольствием ее сопровождал.

Однажды они приехали в усадьбу Херефорд. Возможно, визит был не очень удачным. Диспенсер и его молодая жена были полны радостных ожиданий от будущей семейной жизни, а леди де Клер только что потеряла своего мужа. Но, возможно, потому что граф Ричард де Клер был преклонного возраста, а Оливия де Клер была еще достаточно молода, то особой грусти и печали в усадьбе Херефорд не чувствовалось.

Леди де Клер оказалась радушной хозяйкой и приветливо принимала гостей. Во время прогулки по парку они увидели мальчишек, запускавших в небольшом ручье маленькие кораблики.

Несколько мальчишек при виде хозяйки бросились наутек. Остался только один, в аккуратном костюмчике. В руках мальчик держал деревянный кораблик с парусом.

— Энтони де Клер, подойдите ко мне! — Голос Оливии стал совсем не радушен и не приветлив.

— Добрый день, милорд. Добрый день, миледи. — Мальчик поклоном головы приветствовал Диспенсера и Эвелин.

— Энтони де Клер, что у вас в руках? — Леди Оливия явно намеревалась начать расследование.

— Это одномачтовый барк. На нем перевозят зерно, — сказал мальчик.

— А на парус вы, наверное, снова пустили свой носовой платок?

Мальчик молча смотрел вниз. Он понимал, что, скорее всего, его барк уже никуда не поплывет.

— Какой интересный корабль, — неожиданно вмешалась Эвелин. — Где ты его взял?

— Я его сам сделал, миледи, — сообщил мальчишка и с надеждой посмотрел на Эвелин.

— А сколько тебе лет? — Эвелин подошла поближе.

— Мне почти восемь лет, миледи.

— Восемь лет, а ты уже сам можешь строить корабли! Какой ты молодец! — И Эвелин погладила мальчишку по голове.

Это было как благословение. Отныне и во веки веков этот мальчишка стал связан с Эвелин. И тот свет, которым всё вокруг освещала Эвелин, осветил для лорда Диспенсера и Энтони де Клера.

Диспенсер, кряхтя, поднялся из кресла, стоявшего у камина, и пересел за письменный стол. Среди бумаг, лежащих на столе, была вырезка из старой газеты со статьей о событиях гражданской войны в бывших британских североамериканских колониях. Корреспондент, в том числе, рассказывал об английском лорде, Энтони де Клере, который воевал сначала на стороне северян, а потом перешел на сторону южан. Корреспондент возмущался: как такое возможно — воевать сначала на одной стороне, а потом перейти на другую сторону? В этой же статье приводился ответ де Клера: «Вы заблуждаетесь. Я всегда воевал только на своей стороне». Ответ еще больше возмутил корреспондента.

Диспенсер откинулся на спинку кресла — этого потребовала его большая поясница.

«Именно так, — подумал он. — Именно так. Настоящий, благородный рыцарь всегда воюет только на своей стороне, которая называется честь и достоинство».

Он потянулся, взял стоящий на столе колокольчик и позвонил. На зов откликнулся Гэрانت.

— Пошли за нотариусом, — сказал Диспенсер. — Я хочу внести изменения в завещание.

Глава 5. Метрополитен

Грегор Маккелан считал, что всем хорошим в своей жизни он обязан отцу, Дейвидху Маккелану. Не в том смысле, что отец вырастил его, дал денег на учебу, а потом назначил главным редактором своего успешного, ежемесячного журнала «Метрополитен». А в том смысле, что дал Грегу пример того, к чему стремиться. Этим примером был сам Дейвидх Маккелан.

Отважный кавалерист и рейнджер, который в годы гражданской войны со своим небольшим отрядом громил тылы южан: нападал на обозы, уничтожал штабы, приносил своему командованию важные сведения о перемещениях и планах противника. Под самый конец войны, когда из-за «золотой лихорадки» в Калифорнии дезертирство в обеих армиях приняло угрожающие масштабы, именно отряд лейтенанта Дейвидха Маккелана командование отправило в Калифорнию навести с дезертирами порядок.

Грегор Маккелан был уверен, что и такую задачу его отец смог бы выполнить, но наверху решили по-своему. Боссы обеих сторон, северян и южан, встретились и заключили сначала перемирие, а потом и мир. И отряду бравого лейтенанта уже нечего было делать. Нет войны — нет дезертиров. Окончание войны не остановило движения вверх и вперед Дейвидха Маккелана. Он занялся бизнесом и в этом занятии стал не менее успешным, чем во время своих отважных вылазок во время войны с южанами.

Вот на него и хотел походить Грег. Нет, он не собирался становиться военным, но он хотел быть таким же целеустремленным, отважным и успешным. Пусть не в войне, а в бизнесе. Всегда: во время учебы в школе, а потом в университете — Грег сверял свои действия с тем, как поступил бы его отец.

Когда после университета отец предложил ему место главного редактора своего журнала, то Грег не задумываясь согласился, но при одном условии.

«Отец, — сказал он. — Когда ты готовился к рейду в тылу у южан, ты подготавливал массу вещей: проверял, готовы ли твои люди; все ли в порядке с лошадьми; хватает ли пуль и пороха; что слышно про южан в той стороне, где будет проводиться рейд, и еще многое другое, чего я просто не знаю. Я хочу поступить также. Прошу у тебя один год, за который я на практике изучу издательское дело».

Отец согласился. Тогда Грег уехал в Нью-Йорк, где первым делом устроился рабочим в типографию. Кем он только не работал за этот год! Помогал проявлять фотографии сразу нескольким фотографам, был помощником редактора в одной желтой газетенке, писал статьи сразу в десяток разных газет и журналов и многое другое. Через год он вернулся к отцу, рассказал ему о своем «рейде», и вот теперь он главный редактор «Метрополитена». Уверенный, опытный и к тому же счастливый семьянин.

В то утро, в уютной столовой, молодая семейная пара, Грег и его жена Эмили, заканчивала утренний завтрак. Грег, одетый в строгий серый костюм, только что с удовольствием съел омлет с ветчиной и читал газету. Служанка принесла чай, фрукты и варенье.

Эмили, молодая приятная женщина в розовом легком домашнем платье, сидела боком к столу, и еда, как казалось, ее не интересовала.

Грег, оторвавшись от газеты, воскликнул:

— Дорогая, послушай, что пишет этот придурок Уэмбли: «Брак из собственно экономического института становится морально-правовым союзом женщины и мужчины, который основывается на личном выборе и любви. Происходят перераспределения обязанностей мужа и жены в семьях...»

— Уэмбли — это «Фриско Тайм»? — перебила его Эмили.

Грег, словно в восхищении, слегка развел руками и покачал головой:

— Дорогая, ты прекрасно разбираешься в местном газетном мире!

— Я же жена главного редактора самого успешного американского журнала. И ты знаешь, дорогой, меня интересует семья не в целом, а конкретно наша. И мне не понравилось то, что ты мне вчера рассказал о своем первом дне в качестве главного редактора нашего «Метрополитена».

— Ты имеешь в виду инцидент с мисс Одли?

— Ну, конечно, Грег. Как она не понимает, что возражать главному редактору, да еще и совладельцу издания, в котором работаешь, по меньшей мере глупо.

— Но, вообще-то, это было такое производственное совещание с ведущими работниками. И я сам попросил их высказаться.

— Все равно. Разве она не понимает, что это твой первый день на работе и тебе нужна поддержка?

Эмили говорила с жаром, и чувствовалось, что эта тема ее задела. Ее щеки покраснелись, а губы блестели. Грегу очень нравилось смотреть на Эмили именно в этот период дня, за завтраком. Какой-то час назад они еще были в постели. Эмили лежала рядом с ним, и он при желании мог протянуть руку и коснуться ее тела. А когда Эмили поворачивалась на бок, Грег наблюдал, как ночная сорочка Эмили то натягивается, то сминается при ее движениях. К завтраку Эмили преобразилась. Она меняла ночную сорочку на одно из своих многочисленных легких платьев, но Грег видел, что под ним по-прежнему ничего нет. Ткань платья, какое бы оно легкое ни было, уже не позволяла видеть тело жены, а разнообразные оборки и кружева скрывали формы. Но почему-то именно эта искусственная преграда между его глазами и телом жены заставляла Грега с жадностью поглядывать на Эмили, а внутри рождалось острое желание и сожаление о том, что надо идти на работу.

После сказанных Эмили слов за столом на некоторое время наступила пауза. Грег рассеянно взял другую газету и... все с большей заинтересованностью начал пробегать ее глазами.

— Надо же! — воскликнул он. — «Нью-Йорк пост» отправляет свою журналистку в кругосветное путешествие.

— Они с ума сошли или им просто денег некуда девать? — раздраженно спросила Эмили. Она была недовольна сменой темы.

Но Грег этого не заметил. Эмили на минуту показалось, что Грег сам бы хотел оказаться на месте этой журналистки, а может быть, и рядом с ней.

— И не просто в кругосветное путешествие, а с заданием обогнуть Землю быстрее, чем герои Поля и Жюль Вернов из «Вокруг света за 80 дней», — продолжил Грег.

— Она тоже заключила с кем-то пари? — спросила Эмили. Насколько она помнила, в этой книге все крутилось вокруг какого-то пари.

— Здесь не написано, но вряд ли. При желании для «Нью-Йорк пост» эта поездка может даже принести прибыль. Ежедневные репортажи, еще могут какой-нибудь тотализатор придумать или лотерею.

— А мы так не можем?

— Нет. Наш «Метрополитен» — ежемесячное издание. Для горячих новостей нужен ежедневный формат. Хотя ты знаешь...

— Что?

— Кажется, я придумал, как поставить на место нашу мисс Одли.

Эмили вся превратилась во внимание. Грег любовался женой и тянул с объяснением. Это был его небольшой звездный час.

— Ну же, говори, — не выдержала Эмили.

— Я сейчас приду в редакцию, вызову мисс Одли, покажу ей этот выпуск «Нью-Йорк пост» и сообщу...

Грег встал из-за стола, подошел к Эмили и склонился над ней. Он смотрел в ее глаза, а губы почти касались ее губ. Это тянулось секунд пять. Потом Эмили не выдержала и засмеялась.

— Ну, Грег, перестань баловаться.

Она вывернулась из-под Грега и отошла к окну.

— Ну, так что же ты ей сообщишь?

— Сообщу, — со вздохом сказал Грег, — что тоже отправляю ее в кругосветное путешествие с заданием обогнать нью-йоркскую журналистку. Как ее там? Еву Полански...

— Но ты только что говорил, что «Метрополитену» это не нужно!

— И снова могу это повторить. В том-то и дело, что я не собираюсь никого никуда отправлять. Мисс Одли испугается этой поездки и откажется. А я констатирую, что она отказывается выполнять поручение главного редактора. Напомню ей условия контракта, посетую на ее несговорчивость. В общем, постараюсь сделать так, чтобы она почувствовала себя виноватой. Ну, и в дальнейшем это поможет мне в общении с ней.

Эмили задумалась. Как бы она отреагировала на подобное предложение. Ехать не знаю куда, одной, через одну огромную соленую лужу, потом через другую... По ее спине пробежал холодок.

— Это может сработать, — сказала она, потом подошла к мужу и обняла его, прижавшись к нему всем телом. Ведь он так хотел этого все это утро.

Утро Терезы Одли в тот роковой день началось, как обычно. Стук копыт лошадки молочника, пауза, перезвон и перестукивание бидонов для молока, один из которых принадлежал Сюзан, служанке Терезы. И вот, пожалуйста, никакого будильника не нужно.

Сам будильник у Терезы был. Он гордо стоял на прикроватной тумбочке и показывал, что наступило 7 часов утра. Стоял гордо, потому что сопровождал семью Одли во всех ее скитаниях по южным штатам во время войны.

Эти скитания не способствовали и без того слабому здоровью матери Терезы, и она первой покинула этот мир. Отец держался значительно дольше и многое успел. Вместе с отцом они, наконец, закончили свои скитания в Сан-Франциско, где отец купил ту большую квартиру, в которой Тереза сейчас жила. С окончанием войны мистер Одли несколько раз возвращался в Теннесси, где смог продать их полуразрушенную усадьбу, плантацию и винокурню. Вырученные деньги мистер Одли положил в банк. Он рассчитывал участвовать ими в каком-то новом предприятии, но не успел. Его хватил удар, и он вскоре скончался. Банк же регулярно выплачивал Терезе ренту, которая хорошо дополняла то небольшое вознаграждение, которое молодая женщина получала в редакции. Вот и получалось, что будильник оказался в их семье одним из самых стойких, чем, наверное, сильно гордился.

— Ну, и, пожалуйста, — сказала Тереза будильнику. — Не очень-то ты и нужен.

Для Терезы, которая с детства начала сочинять разные истории, разговор с будильником был обычным делом. А не заводила она его, потому что боялась сломать. Давно, еще в детстве, она попыталась передвинуть тоненькую стрелку будильника, но у нее не получилось. Стрелка, вместо того чтобы двинуться на назначенное ей место, погнулась. И вот что интересно. Сколько всего после этого произошло, сколько упаковок и распаковок пережили эти часы, погнутая стрелка оставалась единственным повреждением внешнего вида часов.

Проснувшись, Тереза не торопилась вставать. Она так устроила свою спальню, что, если лечь на правый бок, то был виден фотографический портрет матери Терезы. Она смотрела на дочку, и Тереза вспоминала ее слова. «Воспитанная девушка никогда не будет вскакивать с постели, проснувшись. От этого может произойти кровяное смятение, и если так делать раз за разом, то это приведет к головной боли или параличу». Мать Терезы была дочкой доктора

и, наверняка, знала, о чем говорила. Может быть, поэтому ее отца и хватил удар. Ведь он был деятельным человеком и не залеживался в постели.

Портрет отца тоже был в спальне Терезы, но висел на другой стене. Поскольку спальня была большой комнатой, то Тереза разместила в ней и диван, спинка которого опиралась на спинку постели, и журнальный столик, стоящий перед диваном, и рабочий письменный стол перед большим окном.

За письменным столом Тереза работала. Это было удобно. Иногда мысли приходили ночью, во время сна. Она вскакивала, включала новомодную электрическую лампу, садилась за стол и начинала писать. Если мысль ускользала, она поворачивала голову направо, и вот тогда ее взгляд встречался со взглядом мистера Одли.

Так и получалось, что мать со своего портрета наблюдала за Терезой, когда та была в постели, то есть в достаточно интимной обстановке, и со своего портрета следила за нравственностью дочери. Отец же наблюдал за тем, как дочь работает, и даже порой помогал ей в этом. Это было какое-то чудо! Секунду назад мысль, казалось, была потеряна, но хватало лишь одного взгляда на портрет отца, как мысль возвращалась, и слова снова послушно ложились на бумагу.

— Вы уже проснулись, мисс Одли? — раздался стук в дверь. Ее служанка Сьюзан порой работала лучше любого будильника.

— Вот ваша почта, и сейчас я принесу ваш утренний кофе, — служанка положила несколько газет и писем на постель рядом с Терезой и убежала, стуча каблучками.

Тереза подвинула подушку повыше к спинке кровати и оперлась на нее спиной. Она отложила в сторону газеты и счета, а сама взялась просматривать почту. Несколько подруг откликнулись на ее приглашение к сегодняшнему чаепитию у нее дома в 5 часов вечера. Были приглашения ей самой на такие же чаепития в другие дни недели, одно приглашение на ужин в одно почтенное семейство, приходящееся ей дальней родней, а еще ее портной просил найти сегодня время и зайти к нему на вторую примерку платьев, которые она заказала на прошлой неделе. Прочтя все письма, она еще раз прочитала приглашение и подумала, что хорошо бы надеть на этот ужин новое платье. Пятичасовые чаепития были приятным способом общения, но приличия заставляли Терезу приглашать на них только женщин, что совсем не устраивало еще пока молодую, незамужнюю девушку. Приглашение на ужин к дальней родне было интересно тем, что, зная круг их знакомых, можно было предположить, что на ужине будут и мужчины. Например, полковник Джеймс Меллори.

Мистер Меллори уже несколько лет как оставил военную службу, но его продолжали по привычке называть по званию — полковник. Сказывалось эхо войны, которое еще не до конца улеглось. Полковник занимал важный пост в управлении трансамериканской железной дороги. Тереза уже несколько раз пересекалась с ним на разных мероприятиях, подобных предполагавшемуся на следующей неделе ужину. Каждый раз полковник очень радушно здоровался с ней, а два раза даже поцеловал руку, найдя для этого повод и пользуясь отсутствием рядом других людей. Эти два раза заставляли Терезу помнить о полковнике и рисовать в ее воображении картинки, которые рисовать не подобает благовоспитанной девушке.

Были в жизни Терезы и другие мужчины. Например, Мартин Кастер, преподаватель литературы и истории местного университета. Они тоже пересекались на различных благопристойных вечеринках. В ходе одной из них Мартин по секрету рассказал Терезе, что пишет большую работу по древнегреческой литературе, после чего рассчитывает получить в университете профессорскую должность. Мартин был моложе полковника, и картинки с его участием, которые рисовала в своем воображении Тереза, были, скажем так, более живые.

— Вот ваш кофе, мисс Одли. — Это вернулась Сьюзан. На небольшом подносе, кроме чашки черного кофе, был круассан и несколько чернослив.

— Это новый сорт кофе, — сообщила Сьюзан. — Продавец его очень хвалил, говорил, что специально для кофе негро.

Для Сьюзан, чьи далекие предки прибыли в Америку из Испании, слово «негро» означало только цвет, но для Терезы оно значило значительно больше. Это слово обозначало для нее уставших, плохо одетых людей, работавших на плантации ее отца и его соседей. Кроме уставших глаз этих людей объединял цвет кожи «негро». Потому их все и называли — негры.

Пока не началась война, для уже подростковой Терезы приглашали разных учителей. Такое образование было бессистемным и обрывочным. Но уж Декларацию о независимости юная Тереза за время своего такого обучения прочла не единожды. Неизвестно, чего хотели добиться учителя, рассказывая девочке об этом основополагающем для Америки документе, но Тереза запомнила такие строки: «Мы считаем самоочевидными истинами, что все люди равны по рождению, что они наделены Творцом определенными и неотчуждаемыми правами, в частности правом на жизнь, свободу и стремление к счастью». Эти слова Тереза разделяла всей душой и сердцем. Из Старого Завета, о котором она также узнала от учителей, Тереза запомнила, что в последний день творения Бог сказал: «сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему».

«Но как же так? — думала Тереза. — Не мог же Бог быть одновременно белым и черным!» Объяснение пришло позже из проповеди священника местной церкви. В ней священник доходчиво объяснил, что сначала все люди были белыми. Но потом некоторые из них отступили от заповедей Бога, погрязли в грехе и дикости. За это Бог и отметил их черным цветом. Получалось, что все эти черные мужчины, женщины и их дети расплачивались своей тяжелой жизнью за проступки своих предков. Поэтому Тереза негров жалела. «Но ничего, — успокаивала себя Тереза. — Сейчас негры упорно трудятся, к ним приходит священник, они его слушают, и со временем Бог их простит. Их дети побелеют и будут жить счастливо».

Но одно произошедшее событие неожиданно поменяло мнение Терезы о неграх. Ей стало казаться, что негры никогда не получат Божьего прощения.

Дженни Саммерс не была соседкой Терезы. Но мистер Саммерс, отец Дженни, был дружен с отцом Терезы, поэтому Дженни часто бывала у Одли. Дженни была на два года старше Терезы, но это не помешало им подружиться и обсуждать разные важные девичьи темы.

Однажды Дженни ее огорошила. «Хочешь посмотреть, чем занимаются взрослые?»

Говорила Дженни шепотом на ухо Терезы, но Тереза все равно испуганно заозиралась по сторонам. Вдруг кто-то услышит!

— Ну, что скажешь? — уже обычным голосом спросила Дженни. — Хочешь?

Тереза только и смогла кивнуть головой, но потом тут же замотала ею из стороны в сторону.

Вид у нее был, наверное, еще тот, потому что Дженни рассмеялась.

— Боишься? Не бойся. Сэм покажет, как этим занимаются негры.

— Сэм — это кто?

— Помощник отца. Он следит за неграми: пригнать, угнать и все такое. Но ему надо заплатить. У тебя есть доллар?

В копилке у Терезы скопилось порядочно монет, и вполне возможно, что доллар она могла бы вытрясти из нее. Об этом она и сказала Дженни.

— Хорошо. У меня тоже есть доллар. Вообще-то Сэм обещал показать это за один доллар, но отец говорит, что Сэм пройдоха, поэтому будет лучше, если и ты приготовишь свой доллар.

Прошел месяц. Тереза вытрясла из копилки нужную сумму и каждый день с трепетом ожидала чего-то. Но ничего не происходило, и их разговор с Дженни стал забываться.

Но вот однажды в ее комнату зашел отец и сказал, что едет в усадьбу Саммерсов и, если она хочет, то может взять ее с собой. Сердце Терезы сильно забилося, и она смогла только кивнуть. Отец был занят своими мыслями и ничего не заметил.

В усадьбе Саммерсов Дженни сразу же потащила Терезу в свою комнату.

— Ну, что, принесла доллар?

Тереза показала ей узелок, в котором были собраны монетки.

— Молодец! — одобрила Дженни. — Вы наверняка у нас заночуете, и ночью мы все увидим.

Так и произошло.

Тереза и Дженни лежали в одной кровати, и сна у них не было ни в одном глазу. Так тянулось достаточно долго, потом в окно их комнаты кто-то тихо постучал.

— Это Сэм, — сказала Дженни. — Пошли.

Они накинули на себя длинные шерстяные плащи с капюшоном и вышли во двор усадьбы, где их ждал высокий и худой человек с фонарем, который, верно, и был Сэмом. Они пошли к каким-то хозяйственным постройкам и зашли в одну из них.

Это был добротный сарай с лесенкой на чердак.

— Ну, что, Сэм? Когда?

— Видите ли, мисс... — замялся Сэм. Теперь Тереза могла, благодаря свету лампы, рассмотреть его получше. У Сэма было морщинистое лицо с длинными висячими усами.

— Ну, что, Сэм? Говори, — торопила его Дженни.

— Надо бы добавить еще доллар, мисс.

— Но ты обещал!

— Да, но сегодня ваш отец мне еще раз сказал, чтобы я смотрел, чтобы вы не подходили к неграм. Поэтому прошу еще доллар, мисс.

— Ну, ты и гад, Сэм, — сказала Дженни. Потом повернулась к Терезе: — Дай ему.

Тереза протянула Сэму узелок с деньгами. Сэм усмехнулся чему-то, забрал монетки, а сам платочек вернул Терезе.

— Забирайтесь на чердак, — сказал Сэм. — Сейчас приведу.

Они забрались на чердак. Между крышей и полом чердака было небольшое расстояние, и девочкам пришлось стать на коленки. От нижнего помещения их отделяло плетеное перекрытие, через щели которого Тереза и Дженни могли видеть комнату под ними, слабо освещенную фонарем, стоящим на покрытом соломой полу.

Через некоторое время вернулся Сэм и втокнул в комнату молодую негритянку. Так показалось девочкам, потому что она была с короткими курчавыми волосами и очень худая. На ней было серое, грубое платье, которое Сэм заставил снять.

— Целее будет, — засмеялся Сэм и забрал платье с собой.

Негритянка постояла какое-то время посреди сарая, а потом уселась прямо на пол у стенки.

На этот раз Сэма не было дольше. Он привел с собой здорового, но худого негра.

Сэм втокнул его в сарай, указал на негритянку и сказал:

— Покажи, на что способен. И чтобы было тихо.

После этого он закрыл дверь.

Тереза и Дженни замерли от страха. Внизу слабо горел фонарь и стоял ужасный черный человек, которому Сэм приказал что-то показать, а вокруг была темная ночь. И от всего этого ужаса их отделяло тонкое плетеное перекрытие. Если они могли как-то видеть происходящее внизу, то и этот негр мог их увидеть. Ему стоило только поднять вверх глаза. Тереза была готова бежать вниз по лесенке и кричать этому негодяю Сэму: «Прекратите это. Мы уходим». Она бы это сделала, если бы не слышала, как Сэм с той стороны двери опустил засов.

Но негр не стал смотреть вверх. Он какое-то время смотрел на сидящую у стенки негритянку. Потом что-то проговорил на своем языке и подошел к женщине и, о ужас, сбросил на пол свои грубые штаны. И хотя Тереза могла рассмотреть только блестящую в свете фонаря кожу дикаря, ее воображение вмиг дорисовало все остальное. Она закрыла глаза, страстно желала, чтобы все это поскорее закончилось, и боялась, что удары ее сердца будут слышны за пределами сарая.

Внизу стала слышна какая-то возня, а потом стоны.

«Что он с ней делает? Убивает?» — подумала Тереза и рискнула взглянуть вниз. Все, что она могла рассмотреть, — это было переплетение тел и почему-то ступня негритянки, которая торчала вверх. Тереза увидела, что подошва ступни, несмотря на пыль и грязь, была белее остальных частей тела этой черной женщины. «Это что же? — подумала совсем некстати Тереза. — Эта негритянка уже стала белеть благодаря своей праведной жизни?»

Возня и стоны внизу продолжались, но эта мысль засела в голове Терезы. Вернулся Сэм и увел негров, она с Дженни вернулись в постель, а эта мысль все не уходила от нее. «Она же стала белеть! Что же с ней теперь будет?» Она хотела поделиться своими мыслями с Дженни, но та ее опередила.

Она повернулась к Терезе и с горящими глазами спросила:

— Правда, было здорово?

Эта детская затея Дженни сильно изменила отношение Терезы к неграм. Только животные могли вести себя так, как вели эти два существа той ночью, в том сарае. Ведь если считать негров людьми, такими же, как она сама, как, например, полковник или Мартин Кастер из университета, то можно предположить, что и они могут вести себя как эти негры: валяться по полу, стонать и охать. Но это было определенно невозможно. Ее попытка представить на месте негра со спущенными штанами милашку Мартина казалась дикой и противоестественной. Когда же она рисковала поставить себя на место той негритянки, ее охватывал ужас.

Кофе и утренняя корреспонденция заставили детские воспоминания уйти прочь. И к тому времени, когда кофе был допит, Тереза успокоилась.

Она встала с постели, переложила бумаги на письменный стол и еще раз взглянула на фотографию мамы на стене. Мама должна была бы быть довольна ею. Все, как она советовала. И главное, никакого смятения.

Глава 6. Ночной гость

Пальто от холода не спасло. Меня по-прежнему знобило, и я не мог заснуть. А потом ко мне пришло привидение. Но сначала я почувствовал запах дыма, открыл глаза, чтобы понять, где пожар и куда бежать, и увидел это привидение.

Привидением оказался немолодой индеец, одетый, как ни странно, в европейский зеленовато-серый костюм с жилеткой такого же цвета. Индеец сидел на стуле и курил вполне европейскую трубку. Ночь, лунный свет из мансардного окна, дым, индеец в костюме с жилеткой — чем не привидение!?

Страх не было. Наоборот, после того как я взгляделся в лицо своего ночного гостя, внутри у меня потеплело. Опять сказывалось наследство предыдущего хозяина этого тела?

— Приветствую тебя, мой бледнолицый брат, — сказал индеец. — Я проходил мимо, а ты сегодня неплотно закрыл это окно.

Он, не поворачиваясь, указал трубкой в потолок.

— И не притворяйся, я вижу, что ты меня узнал. Хотя, — он глазами пробежался по своей одежде. — Порой я и сам себя не узнаю. Что с тобой случилось?

— Я упал с лестницы.

Индеец усмехнулся.

— Я так долго живу среди бледнолицых, что даже научился понимать скрытый смысл ваших слов. Ведь твои слова говорят о другом. Ты просто не хочешь говорить о том, что с тобой случилось.

— Можно и так сказать, — согласился я.

Поскольку у нас завязалась светская беседа, и меня никто не собирался бить по голове или как-то иначе калечить, то продолжать лежать в постели было невежливо. Я спустил ноги и сел на кровати. Нож, который я держал на груди, с шумом грохнулся на пол. Я судорожно поднял его.

Индеец на появление ножа отреагировал спокойно.

— Можно? — Он протянул руку.

Мне ничего не оставалось, как отдать нож.

— Да, это он. Я подарил его Шидижи, когда она решила уехать с тобой.

Он помолчал.

— Я слышал, она успела напоить его кровью врага? — Он спрашивал, хотя моего ответа явно не требовалось.

Когда индеец подходил ко мне за ножом, я заметил, что у него босые ноги, а туфли стоят рядом со стулом.

— Благодарю тебя, мой брат, за то, что ты отомстил убийцам Шидижи, — сказал он, вернул мне нож и снова сел на стул.

Какое-то время мы молчали.

— Ты знаешь, — снова заговорил он. — Я выполнил твое пожелание и окончил двухгодичную вечернюю школу для взрослых. Она мне очень многое дала. Благодаря ей я стал еще больше ненавидеть бледнолицых.

— И чем ты сейчас занимаешься? — Такой вопрос показался мне вполне естественным.

— Граблю банки.

— Зачем?

— Бледнолицые отняли у нас нашу землю. Я отнимаю у них то, что могу отнять. — Он затянулся трубкой и не торопясь выпустил струю дыма. — Ты приехал сюда завершить месть? Ты нашел того, кто послал к тебе убийц?

— Нет, — честно ответил я.

Картина жизни Энтони де Клера постепенно стала приоткрываться мне, но вместе с ней стали появляться и его обязательства, которые теперь становились, как бы, моими. Совсем не простые обязательства.

— Тебе могут потребоваться деньги, — он что-то положил на стол. — Не отказывайся.

Он посмотрел по сторонам, выбил трубку в раковину «мойдодыра» и снова уселся на стул.

— Я посижу у тебя немного, — сказал он. — А ты спи.

Как ни странно, я заснул. Когда я проснулся вновь, в комнате никого не было. И только запах дыма напоминал о ночном госте.

Утром я почувствовал себя лучше. Вернулась способность анализировать и делать выводы. Еще до того, как в голове эти самые выводы сформировались окончательно, на меня накатила черная волна тоски и отчаянья от того, что я уже никогда не увижу своих близких.

Почему? Как так получилось? Где я оказался? Эти вопросы еще только начали появляться у меня в сознании, а я уже был уверен, что никогда не смогу ни увидеть, ни обнять дорогих мне людей.

Но сознание человека — такая подлая сущность, которая ради своего выживания (а от тоски можно повеситься) придумает оправдание для чего угодно. Не прошло и пяти минут после того, как я начал горевать, а внутренний голос один за другим подсовывал мне доводы для успокоения.

«А ты хотел жить вечно?»

«Нет, просто это все как-то внезапно».

«Это всегда и везде внезапно. Читай классику».

«Да, читал я... Просто когда это с тобой происходит... Так горько на душе...»

«Ты все равно ничего не можешь изменить. Ты не просто уехал в другую страну. Это прошлое и, скорее всего, параллельный мир. Лучше подумай, зачем тебя сюда отправили! Может быть, какая-то специальная миссия?!»

«А вот это — грубая разводка для простаков. Какая еще миссия!? Просто так крутанулось колесо».

«Ну, извини, немного приврал, хотел тебя приободрить».

Этот разговор мог продолжаться еще долго, но помешал достаточно громкий женский голос снизу.

Он настойчиво вопрошал:

— Мистер Деклер, вы уже проснулись? Мистер Деклер, вы меня слышите?

Кричать в ответ не хотелось. Я вышел из своей каморки. В чем был, в том и вышел. В серой нательной рубашке и такого же цвета кальсонах. Внизу, перед лестницей на мою мансарду стояла пожилая, но вполне бодрая женщина. Темное строгое платье, гладко зачесанные назад волосы.

— Гутен морген, фрау Бергман, — я решил блеснуть своим немецким, которого не знал. По ощущениям не знал немецкого и Энтони де Клер.

— О, вы решили говорить по-немецки. — Фрау Бергман замахала на меня руками. — Не напрягайтесь, вам, наверное, это вредно. Генрих сказал, что вчера вы были весь в крови и едва смогли подняться по лестнице. Что с вами случилось?

— Я упал с лестницы.

— Надеюсь, не с моей?

— Нет, фрау Бергман. Это была другая лестница.

— Вам ничего не угрожает?

Этот разговор начал мне надоедать. Возможно, поэтому я немного нагрубил пожилой фрау.

— Ни мне, ни ежемесячной плате за квартиру совершенно ничего не угрожает.

— Как вы могли подумать... — начала было возмущаться фрау Бергман, но я остановил ее.

— Фрау Бергман, прошу вас, пусть кто-нибудь, тот же Генрих, принесет мне большой кувшин чистой воды и хороших фруктов. Я пару дней не смогу выходить из дома.

В это фрау Бергман поверила. Она оглядела меня, словно только сейчас увидела недостатки в моем одеянии. Я надеялся, что мой вид подтвердит, что мне никак не выйти из дома в ближайшее время.

— Хорошо, — согласилась фрау Бергман, вышла на улицу, и я тут же услышал ее голос: — Генрих! Генрих!

А я снова вернулся в свою комнатку.

Вернувшись в комнату, я намочил носовой платок в виски, приложил его к болячке на голове и стал ждать Генриха. На него у меня были виды.

Генрих оказался тем самым пареньком, который за пару никелей вчера проводил меня до моей коморки. Он принес большой латунный кувшин с водой и, со словами «я скоро», вновь убежал. Вернулся он с корзинкой красных яблок, вполне аппетитных с виду.

Я расплатился с Генрихом, не забыв накинуть ему пару никелей за работу. Когда он, довольный, хотел уже уходить, я остановил его.

— Не хочешь поработать доктором, Генрих?

— Доктора много зарабатывают, — сразу взял быка за рога паренек.

— Ну, это будет не совсем работа. Это будет испытание. Сможешь ли ты вообще работать доктором?

— А что надо делать, мистер Деклер?

— Почистишь мне рану на голове.

— Это запросто! — Паренек вытер руки о свою старенькую тужурку и застыл, как бы в полной готовности. Думаю, что почистить ботинки и почистить рану были для него очень похожими понятиями.

— Не так быстро, парень, — остановил его я.

Я заставил Генриха помыть руки. Благо, что небольшой кусочек мыла нашелся на «мой-додыре». Потом протер его руки все теми же виски, которые уже подходили к концу.

— Вот смеху-то будет, когда расскажу ребятам, — хмыкал паренек.

Ножницы нашлись на столе. Ими Энтони де Клер, скорее всего, подправлял усы и бороду. На них тоже пришлось потратить немного виски.

Я пододвинул стул под мансардное окно, уселся на него, а ножницы вручил Генриху.

— Генрих, твоя задача — срезать все волосы вокруг раны и при этом постараться не доставить мне лишних неудобств.

Генрих только хмыкнул.

— Ничего, мистер Деклер, я справлюсь. Мы как-то с ребятами поймали собачонку и постригли ее подо льва, вот было смеху-то.

Генрих стриг, я время от времени слегка подпрыгивал на стуле, когда он задевал наиболее болезненные места.

— Мистер Деклер, здесь какие-то нитки. Их тоже срезать?

— Нет, что ты! Это — работа доктора Уолша. Он очень расстроится, если ты испортишь ее. И прошу, поосторожней.

— Это все ножницы, мистер Деклер. Они тупые, и мне приходится натягивать волос, чтобы его срезать.

— А мне кажется, что ты их просто выдергиваешь.

— Нет, что вы, мистер Деклер! Как можно?!

Но все плохое когда-нибудь заканчивается. Закончил свою работу и Генрих.

— Волосы остались только в самой ране. Если хотите, то я могу в ней поковыряться, но это будет трудно.

— Нет, спасибо.

— Как скажете, мистер Деклер. Я прошел испытание? Я смогу стать доктором?

— Думаю, что сможешь, — вполне искренне ответил я. Меня впечатлило его предложение поковыряться в моей ране.

Я дал ему еще полдоллара, и он, очень радостный, убежал.

Я посыпал рану остатками порошка Фрица и какое-то время просто сидел на стуле, тупо глядя в стену. До меня долетали слабые звуки уличной жизни.

«А ведь это моя новая жизнь, в которую надо как-то вливаться. Пока у меня есть отговорка, что я раненый и что мне нужно лежать. Но уже вечером мне надо идти к Фрицу на фотосессию, которую я сам и придумал. Потом еще на одну, потом встречаться с городскими врачами... А потом что?»

Взгляд упал на большой конверт, лежащий на столе. Я вскрыл его. В нем оказались две пачки денег, перевязанные банковскими бумажными лентами.

«Блин! Приходите, парни, свататься».

Нашел спички, которые оказались рядом со спиртовкой на столе, сорвал банковскую упаковку и сжег ее в раковине «мойдодыра». Банкноты оказались не сотенными, как я ожидал, а номиналом в 50 долларов. На банкноте вместо Улисса Гранта было сразу два лица в профиль, которых я, естественно, не знал. Деньги считать не стал. Зачем? Рассовал их по карманам пальто, да и прилег на кровать. Надо было набраться сил к вечерней фотосессии.

Лежал и думал. Если взял деньги, то значит — должен? Что должен? Индеец говорил, что Энтони де Клер приехал в Сан-Франциско найти того, кто послал к нему убийц. Которые что? Вместо де Клера убили его жену, а он потом отомстил? Со слов индейца выходит так. Но что я могу?! Я никого и ничего не знаю здесь. Да и навыков у меня таких нет.

После этих мыслей накатила волна тоски и беспомощности. Это были уже не мои чувства и эмоции. Почему так происходит? Откуда эти эмоции? Я был уверен, что в теле только мое сознание. Тогда что это? Что-то типа инстинкта собак Павлова? Видят свет — течет слюна. Но здесь человек, и все, наверное, сложнее. Я увидел индейца и почувствовал теплоту. Я стал думать про убийц жены де Клера и почувствовал тоску и беспомощность.

Получается, в мозгу де Клера, в чье тело я попал, сохранились какие-то устойчивые цепочки. Цепочки чего? А я откуда знаю? «... голова — предмет темный и исследованию не подлежит...» Но ведь работает! Даже индеец заметил, что я его узнал. Получается, мне в наследство досталось не только тело, но и эмоции прежнего хозяина. Долго они, конечно, не продержатся. Появятся мои собственные эмоции и вытеснят эмоции старые. И я больше не буду чувствовать теплоту и доверие к этому странному индейцу в зеленовато-сером костюме, не буду печалиться, вспоминая Шидижи. Получается, таким образом, я убью личность Энтони де Клера окончательно. И никто ни в чем не виноват. Нет, виноват! Кто-то же шарахнул Энтони де Клера по голове в баре «Старая индейка».

Кроме индейца, которого я расспрашивать бы не стал, у меня есть еще один источник. Это — доктор Стив Уолш, который знал Энтони де Клера по Нью-Йорку. Надо у него аккуратно навести справки. А надо? Точно надо! Информация никогда не будет лишней, а вот что потом с ней делать — это уже другой вопрос.

Глава 7. Два джентльмена

(Сан-Франциско, гостиница, разговор двух английских джентльменов, примерно в то же время)

— Арчи, ты идиот! Зачем ты ударил де Клера бутылкой по голове?

— Что попало под руку, тем и ударил.

— Я не про это спрашиваю!

— Винсент, когда я его увидел, меня всего затрясло. Деньги этого старого дураля Диспенсера были нашей путеводной звездой, нашей надеждой. И все теперь ему? Да кто он такой!

— Арчи, твоя мать послала нас в Америку поговорить с де Клером. Она помнит, что это был очень романтически настроенный юноша, которого, по ее мнению, можно убедить отказаться от наследства.

— Винсент, ты сам понимаешь, что говоришь? Романтически настроенный юноша!? Прошло тридцать лет! Он прошел две войны. Он — отъявленный головорез, и у него за душой ни гроша. И ты считаешь, что такой человек возьмет и просто так откажется от семисот фунтов стерлингов?!

— Да, хорошая цифра. Меня самого аж передернуло. А я ведь на нее тоже рассчитываю.

— Но для этого тебе надо будет сначала жениться на моей сестре. А к ней ты последнее время как охладел.

— А вот это, Арчи, не твое дело! Твое дело было следить, а не размахивать бутылками!

— Я хотел его убить!

— Убил? Что молчишь, Арчи? Убил?

— Нет.

— Вот! Надо было сначала поговорить, а потом уже принимать решение.

— Это ничего бы не изменило!

— Возможно, Арчи, возможно. Но теперь у нас нет и этой возможности. Едва мы заикнемся в разговоре с ним про наследство, он может связать нападение на него с фактом внесения его в завещание. Да еще и нас заподозрить. Я этого не хочу. Если то, что про него рассказывают, верно, то он просто нас на кусочки разрежет и съест на завтрак.

— Боже, Винсент, что же делать?

— Надо продолжить следить за ним. К счастью, он не знает нас в лицо.

Я почти заснул, когда в дверь комнаты постучали.

— Кто?

— Британец, это я, Стив Уолш.

На ловца и зверь бежит. Я отодвинул щеколду, на которую запер дверь, и впустил Уолша в комнату, в которой сразу стало тесно. Пришлось сесть на кровать.

— Британец, так несправедливо. Старина Фриц пригласил к себе на выпивку всех, кроме меня.

— О! — Он только заметил мою лысую голову, сбритые усы и бороду. — Тебе идет. Сразу скинул пяток лет.

— А ты что расстраиваешься?

— Как что? Он там будет рассказывать про свой порошок и что-то даже показывать.

— Ну и что? Ты же сам называл этот порошок толченым мелом. Зачем он тебе нужен?

— Если порошок помогает, а у меня его не будет, я буду терять деньги. Здесь у врачей основной бизнес — порезы, ссадины и другие... колото-резаные раны. И что мне говорить человеку с раной? Иди к Фрицу, купи порошка, а потом возвращайся ко мне?

— Ну, мне ты так примерно и сказал.

— Прости, Британец. Я же знаю, что на тебе все заживает, как на собаке.

— Ну, спасибо.

— Британец, помоги. Я узнал, что вы партнеры с Фрицем. Значит, он тебе доверяет. Замолви за меня словечко.

— Никакой я не партнер. Герр Циммерман был так добр, что дал мне своего порошка, который, кстати, называется «стрептоцид». А я подсказал ему, как лучше его продвинуть на рынке. Вот и все!

— Да это самое главное. Значит, у тебя с ним уже налажены отношения. Просто так он не дал бы тебе порошка. Помоги, Британец. Ну, что тебе стоит...

— Хорошо, Стив. Я попробую поговорить с Циммерманом, но ничего не обещаю. Он где-то узнал, что ты плохо отзываешься о его лекарстве и, наверное, обиделся на тебя.

— Да? Я готов извиниться!

— Я попробую, Стив, все уладить, но от тебя мне потребуется тоже помощь.

— Что угодно, Британец! — согласился Уолш, но тут же переспросил: — А что ты хочешь?

— Немного. Ты знаешь, что меня саданули по голове, а от ударов по голове иногда случается амнезия...

— Это ты мне объясняешь?! Да я сам видел, как Коротышку Чарли после нокдауна в третьем раунде откачали, к нему подходит жена, а он ей: «Ты кто?» Представляешь! Не узнал жену! ... Постой... Ты хочешь сказать, что у тебя амнезия?

— Местами. — Про то, что «здесь помню, а здесь не помню», я не стал говорить.

— Да? — Уолш задумался, но только на пару секунд. — Кстати, Британец, ты же задолжал мне полтинник! Помнишь?

— Стив, может быть, я чего-то и не помню, но я не разучился еще видеть, когда люди лгут, а когда говорят правду.

Эти слова у меня вышли какими-то очень суровыми. Раньше я так не мог. Вон, Уолш даже в лице переменялся.

— Да, шучу я, Британец, шучу.

Мы помолчали.

— Так чем я тебе могу помочь? Как лечить эту амнезию, я не знаю. Да и другие тоже. Деньги сдерут, а потом скажут, что само пройдет.

— Ты расскажешь мне все, что ты обо мне знаешь.

— Все так плохо?

— Нет, Стив, все хорошо, — с нажимом ответил я. — Просто расскажи, а я постараюсь помочь тебе с Фрицем.

— Хорошо, — Уолш расстегнул пальто и уселся на стул. — Ты пришел к Фитцвотеру в шестьдесят пятом, когда бои стали проводить по новым правилам. Перчатки, то, се. Это вам хорошо, а у меня работы меньше стало. С новыми правилами тебе повезло, ты выигрывал в основном по очкам. Никто не мог в тебя попасть. Ты очень быстро двигался.

— Стив... про бокс мне расскажешь как-нибудь потом, ладно?

— Да, понял я, понял. Жена у тебя была местная, из племени чероки. Тебе еще из-за этого хотели дать имя для ринга «Индеец», но «индеец» уже был, «лорд» — тоже. Вот так ты и стал Британцем. Но ты не долго у нас был, полгода где-то. Потом нашел работу по сопровождению грузов на железной дороге. Там, говорят, платили хорошо. Но опасно, и поездки — через всю страну. А потом, как рассказывали, ты вернулся из поездки, а на квартире у тебя полицейские и убитые: твоя жена и какой-то мужик. В твою жену всадили пять пуль из кольта, оружие не нашли. Этого мужика зарезала твоя жена, но у него оружия не было. Поэтому решили, что их было, как минимум, двое, и что это было ограбление. Убийцу не особо искали, но зато, как

мне рассказывали, их нашел ты. По слухам, ты прирезал их главаря и еще пятерых, но и тебя там хорошо порезали. После этого я о тебе больше ничего не слышал. Я помог тебе?

— Возможно. Я поговорю с Циммерманом. Думаю, что все будет хорошо.

— Знаешь, Британец. Я тогда не смог... В общем, хочу выразить свои соболезнования в связи с гибелью твоей жены. Я видел тебя с ней пару раз. Она была очень хорошей...

— Спасибо, Стив.

Уолш ушел, а у меня на душе было просто погано. Моя смерть там, смерть де Клера здесь и смерть его жены в прошлом. В бутылке оставалось совсем немного виски. Я влил их в себя в тщетной попытке как-то поднять себе настроение и стал собираться к Циммерману.

Глава 8. Наследие Деклера

Последующие дни у меня прошли в хлопотах. Я привыкал к окружающему миру, и мне, хочешь не хочешь, приходилось налаживать свой быт.

Воду и фрукты мне по-прежнему по утрам приносил Генрих. Он же каждое утро выносил мою «ночную вазу».

Под кроватью в комнате я нашел потрепанный кожаный чемодан.

Чемодан был не большой, не маленький. Средний такой чемодан. Углы чемодана были укреплены дополнительными кожаными накладками, а сами накладки были прилично потертые. Поперек чемодана, удерживаемые специальными петлями, располагались два ремня. Набил чемодан сверх меры — ремнями можно утянуть. Или же создать дополнительные хлопоты воришкам — пока эти ремни расстегнешь. Замок на чемодане был один и простенький.

Я такой встречал в своем детстве на старых чемоданах. Медная пластинка, на ней круглая кнопка с замочной скважиной. Отодвинь в сторону эту круглую кнопку, и язычок, который не дает раскрыть крышку чемодана, под действием пружины откинется назад. А еще были медные заклепки, много медных заклепок, слегка позеленевших от времени.

Я стоял на коленях перед вытасненным чемоданом и пытался разобраться в своих мыслях. «Открывать? Не открывать?»

«Тело прикарманил, имя прикарманил, а теперь стесняться начал!» — Мой внутренний адвокат, как всегда, был убедителен.

Я сдвинул в сторону круглую кнопку замка, язычок щелкнул, и я раскрыл чемодан. Вместо карты острова сокровищ в чемодане сверху лежало грязное белье: пара серых кальсон и нательных рубах. Странно, но брезгливости я не ощущал. Я выложил грязное белье на кровать и стал разбираться с содержимым чемодана.

Надо сказать, что все было уложено хорошо и аккуратно, а грязное белье сверху просто прижимало другие вещи при закрытой крышке чемодана и не давало содержимому болтаться. Кроме того, само пространство внутри было как бы разделено на две части. Левую занимали два небольших матерчатых мешка с завязанной горловиной, а правую — поношенная, но чистая одежда. Здесь я, к своему удивлению, обнаружил настоящие джинсы. Потертые, с фирменным лейблом «Леви Страус», потемневшими заклепками и одним единственным карманом сзади, справа. Ну, да. Удобно, если ты правша. Взял что-то правой рукой и убрал подальше, с глаз долой, в задний карман. Передние карманы были на месте, в том числе маленький кармашек «пистончик». Под джинсами обнаружил рубаху из такого же материала, как и джинсы. С медными пуговицами сверху донизу и заклепками в верхних углах одинокого кармана слева.

Под джинсами и рубахой, на чистой паре белья лежали две женские фотографии в деревянных рамочках. Внутри меня что-то кольхнулось. На первом фото была молодая индианка.

Зря говорят, что индейцы были монголоидной расы. У девушки с фотографии были совершенно нормальные, не узкие, не раскосые глаза, прямой, не приплюснутый нос, красиво очерченные губы. Скулы были, но назвать их выдающимся языком не повернется. На мой взгляд, симпатичная девушка, но только взгляд какой-то грустный. На второй фотографии была изображена та же девушка, только уже в платье европейского покроя. Синее платье, как будто состоящее из двух частей: кофты и юбки, — сидело на ней идеально. Все было на месте — талия, грудь, прическа с поднятыми наверх-назад черными завитыми волосами... Вот только взгляд был по-прежнему грустный. Или мне это только казалось. А это что такое? В моих глазах сами собой навернулись слезы. Эмоции де Клера по-прежнему жили во мне. Ну и ладно. Я не против немного поплакать.

Рядом с фотографиями лежало что-то завернутое в кусок темной, на ощупь шерстяной ткани. Когда я развернул сверток, мои слезы моментально высохли.

Я держал в руках достаточно большой, настоящий револьвер. Настоящий? Конечно, настоящий, а какой еще он может быть здесь. Килограмм с лишним, револьвер ощущался одним куском холодного железа. А в душе у меня был восторг. Интересно, это я или де Клер? Вот почему так, спрашивается? Взять, например, ту же мясорубку. Тоже железо, тоже вращается, тоже можно покалечиться неслабо, а возьми ее в руки — и ощущения будут другими.

Я вытянул руку с револьвером, поймал мушку в целик и уже собрался спустить курок. Эй, эй, ты что? В барабане желтели цилиндры патронов. Револьвер был полностью заряжен. Большой палец моей руки сам лег на скобу с левой стороны револьвера и потянул на себя. Чуть влево, и барабан револьвера откинулся в сторону. Так, как вынуть патроны? Вот этот какой-то стерженек. Что это такое? Похож на короткий шомпол. Не вытягивается. А если в другую сторону? Стержень поддался, и розочка с другой стороны барабана вытолкнула патроны наружу. Шесть желтых цилиндриков высыпались на кровать.

Вот теперь можно рассмотреть револьвер получше. Небольшой товарный знак слева, у рукоятки. Лошадь, встающая на дыбы. Что за фирма? Ничего кроме «Феррари» в голову не приходит. На стволе маленькими буквами тоже надпись «New Service Cal .45». С цифрами понятно, такие же на тыльной стороне патронов. А вот почему «new service»? Новая услуга по убийству себе подобных? Большим пальцем правой руки оттянул курок. Шел достаточно тяжело. Вспомнил, как в фильме «Золото Маккенны» шериф стрелял из револьвера чуть ли не очередями. Для этого он очень быстро, ладонью левой руки, взводил курок револьвера. Тра-та-та-та. С этим револьвером так бы не получилось. Либо ладонь бы повредил, либо механизм сломал бы. Да, и, наверное, в этой конструкции так делать и не нужно. Попробовал нажать на спусковую скобу при спущенном курке, и курок стал послушно взводиться. Дальше. Щелчок. Курок спустился. Был бы в барабане патрон, произошел бы выстрел. Еще раз. Я снова нажал на спусковую скобу, провернулся барабан, взвелся и снова спустился курок. Вот такая автоматика.

При всей кажущейся примитивности револьвер производил впечатление хорошей, качественной «машинки». Ладно, еще наиграюсь. Я снова зарядил револьвер и завернул его в тот же кусок ткани. Попутно про себя отметил, что хоть и был револьвер заряжен, но де Клер не носил его собой. То есть не ожидал на себя нападения? Возможно, все же удар по голове был какой-то случайностью. Я положил сверток с револьвером на место и стал дальше разбирать чемодан.

Развязал матерчатый мешок, тот что побольше. В нем оказалась металлическая посуда. Небольшой овальный котелок с петлями по бокам, в нем кружка, еще мешочек с ложкой, двумя вилками и столовым ножом, и большая коробка непривычно длинных спичек. В другом мешке, поменьше, я нашел опасную бритву с полустертым названием фирмы «Вильям и что-то там». Маленькую железную бутылку с маслянистой жидкостью. Понюхал, пахнет керосином. Обнаружил еще пару белых маленьких брусочков размером со спичечный коробок, но только тот, что из моей прошлой жизни. Один завернут в бумагу. Понюхал тот, что открыт. Ничем не пахнет. Ладно, разберемся потом. Если лежит рядом с бритвой, то значит что-то для бритья. Так? А керосин для чего тогда? Как лосьон после бритья? Смешно.

Стал складывать пожитки де Клера обратно в чемодан и среди одежды обнаружил перевязанную пачку писем. Внутри меня опять что-то кольнуло. Какое-то сложное чувство. Тревога, обида, злость. Покрутил в руках найденные письма, бросил их на кровать, а чемодан с вещами задвинул обратно. Немного осталось после тебя, де Клер. А что осталось после меня?

Я лег на кровать. Поудобнее устроил большую голову и стал рассматривать пачку пожелтевших писем.

Я смотрел на тоненькую пачку писем и думал, что, если бы я был в прошлом филателистом, то, наверное, задыхался бы от восторга и счастья. Каждый конверт был украшен, как минимум, четырьмя проштампованными марками. Но в прошлом мое увлечение филателией

захватило только детство и ограничилось покупками ярких марок и блоков далекой страны Бурунди в местной Союзпечати. Блеклые марки с изображением холодных английских королев меня никогда не привлекали.

«Ну, что? Покопались в грязном белье, переходим на новый уровень? Копаемся в личных делах?» Мой внутренний адвокат только хмыкнул и ничего не сказал, а я открыл первое письмо.

Письмо было от матери де Клера и написано было, естественно, на английском языке. Надо сказать, что именно язык окончательно убедил меня, что окружающий меня мир — это не розыгрыш. В прошлой жизни английский я знал хорошо, даже очень хорошо. Но здесь, в этом мире, я просто думал на этом языке. Мне резал слух английский язык фрау Бергман, я слышал акцент Уолша, подмечал маленькие ошибки Циммермана, которые он делал, когда волновался. Такое не подделаешь. Это было внутри меня. Вот и сейчас я смотрел на текст письма, написанный черными чернилами и явно железной перьевой ручкой, и не думал над значениями слов, грамматикой и прочим. С пожелтевшего листка письма я сразу выхватывал смысл предложений, погружаясь в личные дела и прошлое человека, в тело которого я попал.

Это письмо было в самом низу, и я начал с него.

«Милый сын, Энтони,

Прошло почти шесть месяцев с того момента, когда ты вместе со своими товарищами по 5-му ее королевского величества гусарскому полку отправился в далекую Индию. Передо мной до сих пор стоит картина, как какой-то юноша с палубы уходящего корабля машет платком тем, кто остался на земле благословенной Англии. Почему-то мне кажется, что это был ты.

Несмотря на то, что именно я настояла на твоей службе в армии, мне так без тебя одиноко. Но я успокаиваю себя тем, что эта служба просто необходима любому благородному человеку, а тем более тебе — тому, кто в свое время займет место лорда, главы графства Херефорд.

Надеюсь, что у тебя все хорошо, ты служишь доблестно, как и полагается английскому аристократу. Уверена, что ты уже завел себе друзей среди таких же, как и сам, благородных юношей. Помни, мой дорогой сын, что эта дружба будет тебе опорой в дальнейшей жизни и пропуском в высший свет.

Расскажу тебе забавную ситуацию с нашими соседями. Не знаю, помнишь ли ты лорда Диспенсера? Он как-то заезжал в наше имение вместе со своей покойной женой (прими, Господи, ее душу и отпусти ей грехи большие и малые). Он после смерти своей жены помутился рассудком и вот уже 12 лет не покидает своей усадьбы. И даже не хочет знать своих ближайших родственников. Недавно к нему приезжала его родная сестра, чтобы показать ему своего малолетнего сына. Так вот, он не стал с ними даже разговаривать. Вместо него с ней общался его управляющий, наглый и невоспитанный тип, который предложил им свою помощь в размещении в ближайшем городе. Я все это знаю, потому что леди Клара, сестра этого сошедшего с ума лорда, заночевала у нас. Мы с ней проговорили всю ночь.

Меня расстраивает, что пока я не получила от тебя ни одного письма. Это, наверное, вызвано какими-то сложностями с твоим обустройством на новом месте. Вместе с тем прошу тебя взять за правило и писать мне письма не реже одного раза в месяц. Думаю, что написание писем станет для тебя одной из возможностей отдохновения от трудной военной службы.

Буду рада получить от тебя вскоре письмо и узнать, что у тебя все хорошо.

Любящая тебя, твоя мать, леди Оливия Де Клер.

Херефорд, 12 октября, 1857»

Прочел письмо, хотел как-то съязвить по поводу прочитанного, но не стал. Внутри у меня появилось какое-то сложное чувство. Что-то неприятное, тоскливое и отталкивающее в

«одном флаконе». Это чувство явно досталось мне по наследству от прежнего хозяина. Ладно, читаем дальше.

«Милый сын, Энтони,

Получила от тебя письмо, в котором ты сообщаешь, что вышел в отставку. Что это значит? Я ничего не понимаю. Мне казалось, что ты на хорошем счету у полковника Брэмса. Ты сам писал мне, что тебя повысили до капрала. Что произошло? Ты пишешь, что сам подал рапорт об отставке. Но почему? Ведь все так хорошо складывалось. И потом, мог бы посоветоваться со мной! Возможно, я не знаю каких-то нюансов армейской службы, но я бы навела справки через своих добрых знакомых и что-нибудь тебе посоветовала бы.

Извини за сумбурное начало. Я его набросала сразу же, как прочла твое письмо. Увидела, что письмо от тебя, и обрадовалась. Но после прочтения расстроилась. Но, с другой стороны, твоя отставка означает, что ты скоро вернешься домой. Два месяца назад с назначением вашего полка я отправляла тебе деньги, думаю, что ты их уже получил. Дела у нас в графстве идут хорошо. Хотя вилланы, как всегда, лентяи, и доходы от продажи зерна и шерсти могли бы быть и получше. Но год выдался хорошим. Никто из арендаторов не разорился, и все вовремя заплатили причитающуюся нам ренту. Поэтому я и смогла отправить тебе задержанное мной ранее содержание. Уверена, что этих денег с лихвой хватит тебе на расходы по возвращению в родной Херефорд.

Думаю, что дома тебя будет ждать сюрприз! Я уже начала подыскивать тебе пару, воспитанную девушку, которая сможет обеспечить тебе семейное счастье. Думаю, что к твоему приезду у меня уже будут какие-то варианты. (Здесь неумело, но узнаваемо нарисовано стилизованное сердечко).

С нетерпением жду твоего возвращения. Представляю, как ты возмужал. Как увидят тебя твои потенциальные женижки, так все и обомлеет от восхищения. Таковы уж все женичины. Нам бы только, чтобы мужчина посерьезнее был, да в военной форме.

С наступающим тебя Рождеством и до скорой теперь встречи.

Любящая тебя, твоя мать, леди Оливия Де Клер.

Херефорд, 12 декабря, 1859»

«Да, вот так и бывает. Хочешь рассмешить небеса — расскажи им о своих планах», — подумал я и взялся за следующее письмо.

«Милый сын, Энтони,

Получила от тебя письмо, которое одновременно обрадовало и расстроило меня. Обрадовало тем, что ты жив и здоров и не забываешь о своей матери. Расстроило меня то, что ты по всей видимости не собираешься в ближайшее время возвращаться в Англию, иначе зачем тебе было вновь поступать на военную службу. Последнее меня особенно расстроило и озадачило. Мне совершенно непонятно, зачем надо было бросать почетную службу в армии ее королевского величества Великобритании, чтобы потом поступать на службу к какому-то генералу Фримонту. Может ли это благоприятно отразиться на твоей карьере после того, как ты вернешься в Англию?

У нас многое говорят про эту войну, в которую ты ввязался. Наши соседи довольны, так как из-за вашей войны зерна и шерсти из Америки стало поступать меньше, и цены на эти товары выросли. Твое содержание я перестала тебе направлять, как только узнала, что ты вышел в отставку. Но я теперь размещаю его в надежном банке Backhouse's Bank of Darlington (его мне порекомендовал один мой хороший знакомый в Лондоне). Всеми этими деньгами ты сможешь воспользоваться сразу же, как вернешься домой.

Удручает, что приходится писать на какой-то центральный Пост-амт в Нью-Йорке. Как мне объяснили, в этом учреждении мое письмо будет лежать до тех пор, пока ты не придеши туда и не забереш его. Как это неудобно! У человека твоего происхождения должен

быть свой дом и соответственно постоянный адрес. Впрочем, он у тебя есть. Это — Великобритания, графство Херефордшир, усадьба Херефорд. Помни об этом.

Любящая тебя, твоя мать, леди Оливия Де Клер.

Херефорд, 12 марта, 1862»

«Война, про которую она пишет, это, наверное, Гражданская война». О ней мне было известно, что эта война унесла больше жизней американцев, чем все последующие войны. «Кровопролитная штука. И в ней де Клер выжил. Выжил, чтобы погибнуть от удара бутылкой виски по голове». В пачке осталось еще два письма. Читать было интересно. После нескольких дней без книг, без Интернета письма читались как приключения Фандорина. Если бы не одно «но». Неприятные чувства от прочтения писем, которые мне транслировались эмоциями де Клера, становились все сильнее с каждым прочтенным письмом.

«Энтони де Клер,

После того как вы оставили службу в армии ее королевского величества Великобритании только лишь для того, чтобы оказаться в армии этого непонятного государства (впрочем, совершенно понятного: там все бунтовщики, раз они воевали против войск ее королевского величества), я думала, что меня уже ничего не может удивить. Но вы, Энтони, смогли. Поздравляю!

Из вашего письма я узнала, что вы нашли себе жену из числа местных дикарок. Я бы еще поняла, если бы вы просто привели эту дикарку в свой дом, исходя из потребностей своей мужской пагубной природы. Но вы объявили ее своей законной женой в соответствии с законами САСШ. Что это за законы такие, которые регистрируют совершенно неподобающие браки?! А брак между британским лордом и чумазой дикаркой и есть неподобающий брак! Более того, вы набрались непонятной уверенности, что я буду рада видеть эту дикарку в своем доме, о чем и написали в своем письме!

Нет, Энтони де Клер! Этого я не могу принять и благословить! Я была слишком мягка к вам и слишком снисходительна в оценках ваших поступков. Я не проявила ранее должной твердости в направлении вас на путь истинный. Но лучше поздно, чем никогда. Я отказываю вам в содержании и не приму вашего возвращения до тех пор, пока вы не признаете своих многочисленных ошибок и не расторгнете этот постыдный брак.

Желающая вас любить, но отказывающая вам в этом по описанным ранее причинам, ваша мать, леди Оливия Де Клер.

Херефорд, 7 мая, 1864»

«М-да», — только и подумал я и взялся за последнее письмо.

«Дорогой сын, Энтони,

Я узнала про твоё несчастье от мэтра Кросби. Он — партнер нотариальной конторы, с которой у меня были некоторые дела. Недавно мэтр вернулся из САСШ, где совершенно случайно узнал о твоей потере. Так как он знал, что я сильно обеспокоена твоей судьбой, то он передал мне все известные ему новости о тебе. Прими мои соболезнования.

Но теперь, когда препятствие между нами волею небес устранено, я думаю только о том, чтобы ты поскорее вернулся домой, чтобы я могла тебя обнять. Если тебе потребуются деньги на дорогу, напиши мне, и я незамедлительно вышлю их. Пишу на единственный известный мне твой адрес в САСШ — центральный Пост-амт, Нью-Йорк.

По-прежнему любящая тебя, твоя мать, леди Оливия Де Клер.

Херефорд, 10 ноября, 1870»

К тому моменту, когда я дочитал последнее письмо, меня ошутимо потряхивало от эмоций де Клера. Среди них преобладали ненависть, обида и злость.

«Под препятствием, которое устранено, она подразумевает погибшую жену де Клера? Этой леди Оливии явно не хватает либо ума, либо такта».

Я встал с кровати, подошел к мансардному окну, чтобы видеть небо, и постарался дыханием успокоить обрушившийся на меня шторм эмоций.

«Непонятно: если де Клер испытывал такие чувства от прочтения этих писем, то почему он их хранил?»

Немного успокоившись, я почувствовал, что проголодался.

Глава 9. Лорд и портной

Поесть я ходил в «Старую индейку». Там я расплатился по долгам Деклера, которых оказалось целых 25 долларов. Благодаря посещению Индейца-в-зеленом-костюме, как я его про себя называл, я был на ближайшее время финансово обеспечен. В «Старой индейке» готовили превосходные стейки и подавали вполне «макдональдскую» жареную картошку. Эта картошка меня так растрогала, что я, не подумав, спросил у Эда, бармена в «Старой индейке», делают ли они на завтрак что-нибудь молочное. Взгляд Эда был весьма красноречив. Впрочем, видимо, мою странную просьбу он списал на мое благородное британское происхождение, которое, наверное, благодаря болтовне Уолша стало известно многим.

А насчет молочной каши я договорился с фрау Бергман. Из своей каморки я слышал, как она гремит посудой. Справедливо решив, что где посуда, там и кухня, я обратился к немке с рассказом о том, как я скушаю по овсянке. Намек фрау Бергман прекрасно поняла. Всего 5 долларов в месяц дополнительно к моей плате за комнату — и я мог каждый день рассчитывать на тарелку овсяной каши от этой пожилой немецкой фрау.

Но фрау Бергман превзошла себя. Кроме каши каждое утро я стал получать большую чашку кофе с молоком и восхитительные булочки. Это были такие простые сдобные булочки без всяких изысков. Фрау Бергман брала их в ближайшей булочной, где их и выпекали, и ко мне в руки, а вернее в рот, они попадали еще теплыми.

Завтракал я вместе с ней в ее маленькой и очень опрятной комнате. В первый такой завтрак я попытался вернуть несколько фраз на немецком языке: «Гутен морген», «Ви гейт эс инэн?», но был остановлен пожилой фрау.

— Мистер Деклер, вы говорите по-немецки?

— Нет, фрау Бергман, я не говорю по-немецки.

— Тогда зачем вы интересуетесь, как идут у меня дела, по-немецки?

— М-м-м, — ответа я сходу не придумал, но фрау Бергман нашла его сама.

— Вы, наверное, хотите сделать мне приятное?

Я сразу закивал головой.

— Не старайтесь. Как только 20 лет назад я ступила на землю Америки, я стала американкой, и я теперь говорю по-американски. — Говоря это, она гордо подняла подбородок и снисходительно посмотрела на меня, но потом, наверное, сменив гнев на милость, улыбнулась и спросила: — А какие языки, кроме немецкого, вы знаете?

Тут я не сплеховал.

— Кроме немецкого, я еще знаю два языка: английский устный и английский письменный.

Про русский я решил благоразумно не упоминать.

Немка несколько секунд недоуменно смотрела на меня, а потом разразилась таким протестским хохотом, которого я от нее не ожидал. Смеялась она с минуту, а потом спросила, еле переборов свой смех:

— Скажите что-нибудь на английском письменном.

Это она зря спросила. У меня был практически готовый ответ. Надо было только привести его к местным реалиям. Что я и сделал.

— *Es patético, pero tengo hambre**. (* Это, конечно, нехорошо, но я голоден. Примечание автора)

Сан-Франциско был основан испанцами, поэтому совсем неудивительно, что фрау Бергман тут же возмутилась:

— Это же по-испански?

— Тогда четыре. — Не стал отрицать я и причислил знание испанского языка к первым трем: немецкому, английскому устному и английскому письменному.

Последняя моя фраза вновь вызвала хохот фрау Бергман. Когда она отсмеялась и отдышалась, она попросила:

— Больше никогда так не делайте, мистер Деклер. От такого хохота можно умереть, а я совсем еще не готова к этому.

Если не считать этого мелкого инцидента, наши завтраки проходили весьма мирно. Говорила в основном фрау Бергман, благодаря чему я узнал массу полезных и не очень мелочей из жизни города.

Кроме завтраков, фрау Бергман помогла мне и с прачкой. Она привела полную женщину средних лет. Та оглядела меня и мои жалкие пожитки, которые я приготовил для стирки, и сказала, что 5 долларов в месяц будет пока достаточно. Вещи для стирки я должен был оставлять у фрау Бергман, которая будет забирать их раз в неделю.

Надо сказать, что, если не считать удара бутылкой по голове, начиная с самого моего появления в этом мире, меня окружали вполне приветливые люди. Об этом я думал, лежа на кровати после завтрака. Так или иначе, все мне помогали. Уолш зашил мне рану на голове. Джордж побрил. Полицейский не огрел дубинкой по спине, а показал, как пройти в аптеку Фрица. Герр Циммерман дал чудодейственное лекарство, благодаря которому уже на третий день моя рана меня не беспокоила. Генрих проводил почти до кровати. Индеец-в-зеленом-костюме принес деньги. Фрау Бергман кормит завтраками и познакомила с прачкой. Глядишь, как только моя рана заживет, а я отъежусь и отмоюсь, то деятельная фрау начнет подыскивать мне невесту. Но такая идиллия меня только настораживала. Ведь жизнь в полоску. И после белой полосы последует черная, а на смену милым и добрым людям придут люди плохие.

По вечерам я ходил в аптеку Циммермана на фотосессии. Он косился на мой неопрятный вид. Но что поделаешь! Я никак не мог себя заставить одевать съемный воротничок, который был в запасе у Деклера. У меня было чувство, что я одеваю ошейник. Поэтому вместо воротничка я одевал шейный платок, который тоже нашел в его чемодане. Мой не слишком опрятный вид частично компенсировался гладко выбритой физиономией, так как перед посещением аптеки я заходил к Джорджу. «У нас бреются даже английские лорды». Эта надпись на витрине барбершопа Джорджа заставила меня ухмыльнуться. Вряд ли за счет этой надписи Джордж сможет привлечь в свою захудалую цирюльню каких-то клиентов. Но я недооценил силу рекламы. Зайдя на следующий вечер к Джорджу, я увидел, что цирюльник занят тем, что бреет какого-то упитанного мужчину. При этом Джордж делал страшные глаза, поднимал брови, чтобы обратить внимание толстяка, а потом слегка поворачивал свою голову в мою сторону. «Вот, мол, английские лорды прибыли».

«Блин, комики. А я опаздываю к Фрицу», — подумал я.

Когда толстяк ушел, я просто объяснил Джорджу ситуацию и попросил это время вечером не занимать. На что Джордж с готовностью согласился. Но я совсем не знал цирюльника. На следующий вечер, когда я пришел к нему побриться, я увидел двух посетителей, безропотно сидевших в цирюльне и оживившихся с моим приходом. Джордж, как ни в чем не бывало, усадил меня в кресло, а на зеркале я увидел прикрепленный лист бумаги с гордым названием «Расписание». В этом расписании была только одна запись: «с 6 вечера до 7 вечера — время лордов». Я усмехнулся про себя, а потом подумал, что с Джорджа надо брать пример. Старик сражается до конца. Случай подкинул ему неожиданного клиента. Он откуда-то узнал, наверняка от Уолша, что этот клиент, вроде как, английский лорд. И вот Джордж теперь старается выжать из этого максимальную пользу для себя. Всю, до последней капли. Молодец! По-другому и не скажешь.

С одеждой надо было что-то делать. Мне нравилось, как одевается Циммерман. Возможно, потому что его коричневый костюм, цельная белая рубашка, а не отдельные: воротничок, манишка и манжеты — напоминали ту одежду, к которой я привык в прошлой жизни.

Как-то после фотосессии я спросил его:

— Герр Циммерман, где вы купили такой хороший костюм? — Я увидел, что он меня не совсем понял, и добавил: — Пиджак и брюки?

— А, вы про это. Этот, как вы говорите, «costumé», мне пошили не здесь, но я могу вам порекомендовать хорошего портного.

— Я хотел бы купить что-то готовое.

— Молодо-о-ой человек, — начал аптекарь, и я сразу засомневался в его немецком происхождении. — Зачем вы торопитесь? Лучше немного доплатить, но вам сделают идеальный «costumé». Поверьте моему опыту.

— Все это так, но я хочу обновить гардероб к нашей презентации.

— О, я совсем забыл. Да, вы правы, тогда надо выбирать что-то из готового. Но вам повезло: Эндрю Вебер, портной, которого я хотел вам посоветовать, также держит магазин готового платья. И это недалеко, на нашей же улице, только ближе к порту.

— Благодарю, герр Циммерман. Я так и поступлю.

Рекомендованный магазин одежды я нашел на углу Маркет-стрит и маленькой безымянной улицы, пройдя немного в сторону порта. Хозяин магазина хорошо использовал его угловое расположение. Над стеклянной витриной вдоль Маркет-стрит шла вывеска «Империя моды Веббера». Со стороны безымянной улицы вывеска была попроще — «Магазин готовой одежды Веббера». От слова «империя» я немного напрягся, но слова «магазин одежды» указали, что я на верном пути. Витрина под надписью «Империя моды Веббера» поражала количеством выложенных на обозрение вещей: шляпки, обувь, какие-то ленты, зеркала и прочее, прочее. Но основное место занимали два манекена в полный человеческий рост. Манекены очень натуралистично изображали мужчину в темном строгом наряде и женщину в розовом платье с массой оборочек и кружев.

Перед витриной стояло несколько мальчишек. Они с открытыми ртами рассматривали манекены, словно ожидая, когда тем надоеет стоять неподвижно и они шевельнутся. Время от времени один из них что-то замечал на манекенах, тыкал пальцем, после чего мальчишки начинали громко хихикать. Из двери магазина вышел служащий и направился к мальчишкам. Те, не ожидая ничего хорошего, бросились врассыпную.

— Мистер, вы что-то хотели? — служащий обратился ко мне.

— Я хотел бы обновить гардероб. Что-нибудь из готового.

— Пойдемте, я провожу вас.

Холл магазина был достаточно просторный. В нем на мягких креслах и диване сидели несколько хорошо одетых женщин. Я их приветствовал, только слегка подняв свой котелок, чтобы не испугать шрамом на голове. Их осуждающие взгляды не нанесли мне никакого морального вреда, поскольку мы почти сразу прошли в ту часть помещения, где, очевидно, предлагалась готовая одежда. Там мой сопровождающий передал меня другому служащему, правда, немного помоложе, который представился как Джон.

Помещение было небольшое и почти все заставлено длинными вешалками, на которых висела готовая одежда. Какие-то длиннополые пиджаки со скошенными передними полами, рубашки, брюки и еще многое, название чему я просто не знал. Три стены до потолка были заняты открытыми полками, которые были также заполнены сложенной самой различной одеждой.

Пока я рассматривал помещение, Джон, служащий магазина, терпеливо смотрел на меня, но было видно, что его терпение не безгранично.

— Я хотел бы купить пару дорожных костюмов и так еще... по мелочи.

Служащий сразу ожил.

— Минутку. — Он осмотрел меня, куда-то метнулся и вернулся с парой костюмов. Каждый из них состоял из трех частей: брюки, пиджак и жилетка.

Один из них мне сразу понравился. Светло-серый, в тонкую темную полоску прилично смотрелся бы и в 21-м веке, если бы не застегивался чуть ли не под самое горло на четыре пуговицы.

— Тонкий хлопок, подкладка — чистый китайский шелк, только прибыл из нью-йоркского салона моды, пуговицы укрепил лично мистер Вебер, — видя мой интерес, стал расхваливать Джон. — Хорошо подходит для лета, а жилетка просто незаменима при нашей погоде.

— И сколько он стоит?

— 25 долларов, — не моргнув глазом ответил парень, но, судя по его застывшему лицу, было видно, что у меня есть возможность для торговли.

— Я хочу померить.

— Конечно, конечно.

Примерочная была в углу между шкафами и пряталась от остального помещения за шторкой. Теснота примерочной была компенсирована большим, в рост человека, зеркалом.

Дело в том, что с момента своего попадания в этот мир я не видел себя целиком. В моей комнатке, в доме фрау Бергман, над мойдодыром было маленькое зеркальце, в котором я мог рассмотреть сначала один, а потом другой карий глаз. У Джорджа, в барбершопе, зеркало было побольше. Между мельканиями опасной бритвы мне удалось рассмотреть вполне приятное лицо немолодого мужчины. У Деклера был курносый нос с явно приобретенной горбинкой и карие глаза. Губы, наверное, когда-то были пухлыми, но сейчас от пухлости не осталось и следа, а на верхней губе было несколько небольших старых шрамов. Подбородок был немного массивным. Я еще подумал, что с подбородком Деклеру не повезло. В такой подбородок было легко попасть. Зато скулы были едва заметны. Кулаки должны были просто соскальзывать с них, как немецкие снаряды с башни Т-34.

Я снял одежду, подумал, а потом снял нательную рубаху и кальсоны. Вот теперь я видел всего себя. Выше среднего роста, мужское достоинство на месте, живот подтянут, волосатость средняя, жилистые ноги. Не слишком широкие плечи, но и не покатые. «На таких хорошо из леса слегы таскать», — почему-то подумал я. Мускулистые руки, особенно предплечья. И шрамы...

Предплечья обеих рук имели множественные шрамы, словно кто-то пьяный чиркал ножом по внутренней и внешней поверхности. Большой, старый и потому как бы размытый шрам был на сочленении левого плеча и ключицы. То ли рубанули чем-то, то ли операцию делали. Нет, операция вряд ли. Не знаю, лазают здесь в человеческие внутренности или еще нет? Еще шрам на левом боку, словно кольнули чем-то острым, со следами когда-то грубо наложенных швов. Пуля? Штык? Тоже вряд ли. Здесь штыки здоровенные. Да и у пуль большой калибр. Был бы это штык или пуля, разворотило бы сильнее. Я невольно потянулся левой рукой назад и нащупал на спине еще один шрам. Как раз напротив того, что спереди. Скорее всего, стилет какой-нибудь или маленькая пика типа заточки. «Крепкое у тебя здоровье было, Деклер, чтобы все это пережить».

На шрамы смотреть было неприятно, словно труп осматриваю. А ведь теперь это мое тело. Говорят, что свое тело надо любить. Кроме меня у него никого нет. «Вот я и люблю. В магазин пришел, буду покупать тебе обновки». От таких мыслей вроде как потеплело внутри. «Ну вот, разговаривать с телом начал», — подумал я. А с другой стороны, со мной последнее время и не такие чудеса происходили.

— У вас все в порядке, мистер? — Джон уже стал беспокоиться.

— Да, я одеваюсь, — ответил я. Хочешь победить в споре — никогда не отвечай на заданный вопрос. Вернее, отвечай, но совсем о другом.

Я еще раз посмотрел на себя в зеркале. Тело выглядело лет на сорок. Помоложе бы. Поскупился там кто-то наверху. Но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят. Лет двадцать мне сбросили, и на том спасибо.

Я быстро, на голое тело одел «тройку». Надо сказать, что у этого Джона, служащего магазина, был глаз-алмаз. Все подошло просто отлично. Немного не по себе было в жилетке, но это потому, что я их никогда не носил. Еще немного непривычным было отсутствие стрелок на брюках. Уж как я их в свое время наглаживал! Как беспокоился об их сохранности! А тут на тебе! Хороший костюм, а брюки будто для работы в саду, без стрелок.

— Скажите, Джон, не делают ли у вас стрелок на брюках?

Служащий замешкался.

— Первый раз об этом слышу, мистер.

— Вот смотрите. Приличный, дорогой костюм. Так?

— Так.

— Дорогая ткань, подкладка — чистый китайский шелк. Так?

— Так, — повторял сбитый с толку парень словно бандерлог за Ка из сказки Киплинга. Я говорил ему те же слова, которые несколько минут назад говорил он мне сам. Тут ему было очень трудно что-либо мне возразить.

— Вот! А брюки выглядят так, словно предназначены для того, чтобы сидеть у ручья и мыть золото.

— Из чего вы сделали такой вывод? — раздалось сзади меня.

Я обернулся. Вопрос задал невысокий мужчина средних лет, прилично одетый. В голосе звучали властные нотки типа «я здесь хозяин». Из этого я сделал вывод, что это либо управляющий магазином, либо сам мистер Вебер. Поэтому я решил сначала представиться.

— Позвольте мне сначала представиться, а потом я отвечу на ваш вопрос. Меня зовут лорд Энтони де Клер.

— Что, прямо вот целый лорд? — В глазах пожилого мужчины было недоверие и усмешка.

— Не совсем целый, — сказал я и снял котелок. Надо было немного выбить их из колеи.

— О, что с вами случилось? — Шрам на моей лысой голове произвел нужное впечатление.

— Не обращайтесь внимания! — Для разнообразия я не стал говорить ничего про лестницу. — Когда путешествуешь, то получаешь такие вещи в нагрузку к удовольствиям от созерцания пейзажей и знакомства с приятными людьми. А теперь я готов ответить на ваш вопрос.

— Смотрите, я — старатель. — Я присел в брюках на корточки. — Я мою золото. Брюки гладкие на передней поверхности, мне удобно, и ничто не мешает.

— А теперь я — лорд. Иду, люблю достопримечательностями вашего города. — Я выпрямился и принял гордую осанку. — А мои брюки ничем не отличаются от брюк старателя. Нонсенс, булшит, как вы говорите. Брюки должны подчеркнуть мой статус. Они должны чем-то отличаться от брюк старателя. И самый простой способ — это сделать на них спереди стрелку, складку, которая создается с помощью утюга.

И мистер Вебер, и Джон внимали мне почти с открытыми ртами.

— Согласитесь, что будь у старателя на брюках такая стрелка, она бы быстро разгладилась и исчезла. И если по городу идет человек в хорошем костюме, в брюках со стрелкой, то всем сразу понятно, что он не лазает по шахтам и огородам. Всем сразу понятен его статус.

— Поэтому прошу вас на этих брюках, которые я покупаю, сделать мне стрелку.

— И вы это будете носить? — задумчиво спросил мистер Вебер.

— Конечно, это же подчеркнет мой статус.

— А что, в Англии уже такое носят? — не унимался мистер Вебер.

— Скоро такое будут носить во всем мире. — Я снова ушел от прямого ответа. — И ваше заведение может оказаться первым, кто начнет предлагать такие статусные брюки. Не мне вас учить, что быть первым — это значит снять самые густые сливки.

— А как они будут называться? — обрел наконец дар речи Джон.

— Я полностью уверен в своей правоте и готов дать им свое имя. Например, пусть будут называться «деклерки».

— Мы вам будем очень благодарны, — сказал Вебер. Его глаза блестели. — Джон, максимальную скидку на все, что купит мистер Деклер.

Скидки — это хорошо. И я развернулся. В дополнение к летнему костюму купил более теплую тройку, где пиджак имел более длинные полы, ткань была более плотная и менее маркая.

Еще мне приглянулись черные туфли. Надоело ходить в тяжелых разбитых ботинках, доставшихся мне от Деклера. Туфли выглядели словно из 21 века. Их местное происхождение выдавало то, что подошва была часто подбита маленькими гвоздиками.

Потом купил две белых рубашки и две синих, две пары тонких нательных рубаш и кальсон. Лето все-таки на дворе. Еще купил сразу шесть пар черных носков. Но когда я их взял в руки, то понял, что резинка на носке слабая и не будет держаться на ноге. На помощь пришел все тот же Джон. Он с важным видом выложил передо мной специальные подтяжки для носков, при виде которых мне стало дурно, но деваться было некуда. Не буду же я ходить, постоянно наклоняясь и подтягивая носки. На все про все у меня ушло немногим больше 100 долларов. Приличная по местным меркам сумма. Джон обещал, что все товары будут доставлены по моему адресу.

Потом я еще какое-то время обучал бледную молодую девушку искусству создания стрелки на брюках, после чего покинул магазин Вебера с чувством выполненного долга и вернулся в свою каморку. Я лег на кровать и закрыл глаза. «Зачем я стал рассказывать про стрелки на брюках? Сам не пойму. Может быть, для того чтобы отвлечься от увиденных на своем теле шрамов?»

Глава 10. Безбилетник

Питер Хилл тяжело спускался по ступенькам в полуподвальное помещение, которое занимала семья его друга Генри Ли. Спускался тяжело не потому, что он был слаб или немощен. Нет, Питер Хилл был крепкий мужчина за пятьдесят. Просто ему предстоял тяжелый разговор, который он больше не мог откладывать. В молодости Питер и Генри были китобоями, ходили за китами на паруснике «Быстрая Марта», там и сдружились. Потом началась «золотая лихорадка», и их пути разошлись. Генри так и остался китобоем, а Питер рискнул и окунулся с головой в жизнь мелкого золотодобытчика. Ему, можно сказать, повезло. И золота намыл, и не пропил заработанное, сберег, а потом купил вот это жилое здание, в полуподвальное помещение которого он сейчас спускался. Бизнес был не самым прибыльным, но приносил небольшой доход, на который жила семья Питера, и еще даже немного оставалось.

Генри повезло меньше. Год назад «Быстрая Марта» ушла за китами и не вернулась. Семья Генри, его жена Эмма и сын Генрих, остались без кормильца. Какое-то время Эмме удавалось сводить концы с концами, работая прачкой, но три месяца назад она слегла, охваченная непонятной болезнью. На что они жили? Во всяком случае, никакой арендной платы Питер Хилл эти три месяца с них не получал.

Но пришел он к Эмме не за арендной платой. Питер Хилл огляделся. Он не был здесь с тех пор, как пропал Генри. Свет от небольших оконцев у самого потолка освещал небольшую комнату, в которой все говорило, что в эту семью пришла беда. И запах... Запах больного человека, причудливая смесь запахов застарелого пота, мочи и испражнений.

Питер Хилл подошел к кровати, на которой лежала Эмма.

— Здравствуй, Эмма. — Питер решил сказать все как можно быстрее. Все равно ничего нельзя было поделать.

— Эмма, я продал это здание и не знаю, что с ним будет делать новый хозяин, — быстро заговорил он.

Все так и было. Город стремительно рос. Маркет-стрит стала его центральной улицей, и таким невзрачным домикам, одним из которых владел Питер Хилл, было на ней уже не место. Те люди, которые решили купить это здание и на его месте построить что-то более стоящее, поступили с Питером Хиллом еще по-божески. Они прислали к нему адвоката, который предложил невысокую, но вполне терпимую цену за здание. А могли бы прислать не адвоката, а бандитов, которых еще хватало в горах Калифорнии.

— Сам я уезжаю к сыновьям на Восточное побережье. Арендную плату мне можете не платить. Насколько я знаю, они собираются всех выселять через две недели.

Питер Хилл собрался было уйти, но потом сделал то, чего не собирался делать.

— Прости, Эмма, — сказал он и стал быстро подниматься по ступенькам. На волю, к глотку свежего воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.